

СИБИРСКИЙ ФОРУМ

2014 | апрель
интеллектуальный
диалог

КУЛЬТУРА: САЖАЙТЕ, И ВЫРАСТЕТ не вытаптывайте, и принесёт плоды ● стр. 2-28

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ ВОЗРОЖДАЕТСЯ

Ольга Абанцева: ● стр. 4

«Что должно произойти с человеком, чтобы ему захотелось поделиться своими большими или совсем небольшими деньгами с тем, кому плохо? Я постоянно об этом думаю. Нет одного механизма, у всех по-разному. Я впервые подумала о ком-то ещё, кроме себя, когда родила сына».

ПОСЛАНИЯ ГОРОДА

Илья Утехин: ● стр. 6

«Однажды меня пригласили в гости, я принёс фотографию, но не стал её дарить, потому что понял: там очень лаконичный дизайн, и всё в устройстве интерьера таково, что исключает картинки на стенах. Эстетическое чувство моего приятеля тревожат картинки».

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Владимир Василенко: ● стр. 10

«Западный способ производства произведений искусства и их восприятие рассчитан на постоянное создание чего-то нового. Романиста спрашивают: «Над чем вы сейчас работаете, что там ваш новый роман?». У композитора: «Какую новую симфонию вы написали?». Восточный способ восприятия искусства, распространённый в Индии, Японии и так далее, основан на бесконечном всматривании в одно и то же».

«Пресловутая человеческая индивидуальная свобода — она заканчивается рано или поздно. Когда тебе 33-35 или 45 лет, а ты такой свободный по-прежнему, тогда ты понимаешь, что свобода работает против тебя. Она пустота, клетка. Вот у нас с женой четверо детей, а её свободные подруги ей говорят: какая ты счастливая, как тебе повезло! А как ей повезло? Своих красивых детей она родила в своё время. Подвожу к простой мысли: счастье — это не дар, это труд. И всё, что связано с процессом обретения самых важных вещей в жизни, происходит через труд».

Захар ПРИЛЕПИН
как явление современной культуры
● стр. 24

Внедавно вышедшей книге писателя Андрея БИТОВА («БАГАЖЪ», 2012) есть утверждение: «Литература перестала быть частью культуры. Она стала занятием». И далее: «И культура перестала существовать как самостоятельное слово: культура могла быть поведения и физическая, а также могла быть Парк и Дом. Культура стала овощ. Или быт».

Мы приняли это полемичное высказывание за руководство к действию, и нынешний выпуск не содержит ни рассуждений о глубинах православной культуры, ни исследований о влиянии философии на развитие человека. Ну да, пусть это будет культура во дворах, культура на дорогах, культура благотворительности, правовая культура...

Решив для себя задачу технически, на важнейший вопрос, образуют ли все эти ручейки пространство Культуры, мы не ответили. А представьте, что великая культура, как большой гриб атомного взрыва, нас покину-

ла, и мы живём без неё? Да нет, не может быть! Это какой мощности заряд надо было подложить, и когда бы это произошло? И потом — культура прорастает корнями, она пронизывает собой тело и дух народа, её не вытравишь. С другой стороны, если все эти связи систематически подрезать, рубить, шинковать...

И наметилась тема «антикультуры». Под неё сразу подверсталось столько явлений современной жизни, что берёт оторопь. Антикультура оказалась системна, её много, она практически равновесна культуре! Напрашивается вывод: а может, антикультура — это такая культура? Наша с вами, современная. Как в книге «История красоты» есть глава «Красота чудовищ» — такая оборотная сторона явления.

Пусть наш интеллектуальный читатель ответит на все эти вопросы сам. А мы предлагаем ему те отдельные грядки и деляночки, к которым можно (или хотелось бы) сделать приставку — «культура».

Культура или потребление?

Судьба исторического квартала в границах улиц Маркса, Горького, Бограда, Декабристов обсуждается с разной степенью интенсивности уже лет тридцать. И вот, наконец, дело сдвинулось с мертвой точки. В прошлом году было устранено главное препятствие, связанное с необходимостью расселить жителей домов, подлежащих реставрации. А в конце февраля этого года на суд общественности был представлен эскизный проект регенерации многострадального квартала, выполненный иногородними специалистами.

Надо сказать, что у подавляющего большинства местных архитекторов проект вызвал крайнее изумление. И это ещё мягко сказано. Что же не устроило красноярцев? Если вынести за скобки все перипетии этой многолетней истории, сегодняшнюю ситуацию для простоты можно свести к двум совершенно разным подходам, закреплённым в двух проектных предложениях. В одном во главу угла поставлена коммерческая привлекательность регенерируемой территории, а второе основано на убеждении, что Красноярску всё же стоит сохранить квартал усадебной застройки, каким-то чудом уцелевший в самом центре краевой столицы, который в последние годы всё уплотняется и уплотняется.

В погоне за инвестором

Питерцам и иркутянам принадлежит идея развернуть в квартале крупномасштабный проект, сулящий хорошую прибыль инвесторам. Что в результате получают красноярцы и что при этом они утратят — вопрос десятый. Но для нас-то он стоит под номером один, так что есть смысл подробно его рассмотреть.

Итак, иркутско-питерский вариант предполагает возникновение в границах квартала 50 000 м² коммерческой недвижимости. Именно столько, по мнению специалистов от бизнеса, её должно быть для привлечения солидного инвестора. Много это или мало? Для сравнения — общая площадь торгового комплекса «Квант» составляет 46 000 м². Впечатляет? Справедливости ради надо сказать, что площади эти предполагается частично загнать под землю, частично разместить в псевдоисторическом лубочном новоделе на примыкающей к кварталу территории Центрального парка и частично в сохраняемой исторической застройке. Ну а оставшаяся и, как видно, немалую часть предлагается разместить на восьми

этажах офисного здания в непосредственной близости к католическому костёлу и дому ксёндза.

Что касается планов, связанных с Центральным парком, то сразу возникает вопрос: у нас что, переизбыток зелёных насаждений? Или в городе вдруг обнаружилась настолько острая нехватка торговых площадей, что уже не до парков? Удивительно, но в пользу застройки западной границы Центрального парка авторами проекта был выдвинут совершенно невероятный аргумент. Невероятный для профессионалов, от которых в подобных случаях требуется доскональное изучение истории вопроса. Изумлённым красноярцам доложили, что застройка западной границы парка есть всего лишь восстановление исторической справедливости — якобы там когда-то тоже стояли дома. Но дело в том, что дома эти не только когда-то стояли на территории западной границы, но стоят и поныне. А именно между улицами Декабристов и Горького. Ну а граница просто была отодвинута.

Дело в том, что «традиция» отрезать от городского сада кусок за куском (под самыми благовидными предлогами, разумеется) возникла без малого двести лет назад — практически в тот же момент, как этот сад был организован первым красноярским губернатором СТЕПАНОВЫМ. Точнее сказать, когда под него отвели территорию примыкающего к городу соснового леса.

Изначально сад занимал площадь в сто гектаров и был с одной стороны ограничен Енисеем, а с другой Качей. Наибольшие потери он понёс, когда потребовалась площадка для возведения кафедрального собора, впоследствии не устоявшего под натиском воинствующего атеизма. Потом его западную часть (между сегодняшними улицами Горького и Декабристов) нарезали под усадьбы, составляющие ныне этот самый исторический квартал.

Но этим дело не кончилось, а потому сегодня от когда-то огромного зелёного массива, скромно именуемого городским садом, осталось только пятнадцать гектаров. Правда с тридцатых годов прошлого века эти гектары стали гордо называться Центральным парком культуры и отдыха. Может, стоит остановиться, пока ещё осталось местечко для размещения такой многообещающей, но объёмной вывески?

Не меньше вопросов вызывает и идея «ухода в подполье». Обычно бизнес туда зарывается только при мощной надземной составляющей. Вряд ли ею смогут послужить несколько двухэтажных деревянных строений. Да и публика, как правило, не испытывает особой тяги к подземельям. Но если людей всё же получится чем-то соблазнить, каким образом в эти подземелья доставить? Понятно, что уж никак не через погреба разных там стоек и прочих подсобных помещений, на которые так богаты были сибирские усадьбы. Здесь потребуются нечто более уважаемое и, конечно, значительно более масштабное. Но тогда возникают очень неприятные правовые моменты.

Как известно, в охранных зонах объектов культурного наследия законом допускается сооружать только то, что служит сохранению этих

самых объектов. Вход в торговый центр, въезд в подземную парковку и прочее такой функцией, понятно, обладать не могут. А значит, для их законного размещения границы охранных зон придётся радикально пересмотреть. Вот только на каком основании? Именно по причине сомнительной законности всего этого дела созданная в октябре прошлого года рабочая группа по реконструкции исторического квартала лишилась значительной части своих членов. Чиновники от архитектуры и несколько специалистов дружно покинули её, посчитав для себя невозможным участие в проекте, нарушающем действующее законодательство.

Конечно, ничто не мешает пофантазировать и предположить, что асы-проектировщики как-то изловчатся и найдут приемлемый для закона способ внедрения немалых толп жаждущих шоппинга горожан в подземное пространство квартала, сохранив на его территории не только все охраняемые постройки, но и обозначенные в охранных документах границы. Что называется, и волков в лице крупного инвестора насытят, и не ущемят, уж простите, овец в лице граждан, чьи права на культурное наследие защищены законом. Не ущемят, разумеется, лишь формально. В действительности всё не так однозначно.

Сохранить нельзя заработать

Что представляет собой предназначенный для регенерации квартал и что получит город, желая максимально увеличить его инвестиционную привлекательность для крупного бизнеса? Начнём с того, что сформировавшийся в начале прошлого века квартал на сегодняшний день практически полностью сохранён в своей первозданности. И это принципиально, беря во внимание, что никаких шедевров архитектуры там нет. Несомненная ценность квартала заключена в том, что он является собой прекрасно сохранившийся образец организации городского пространства, позволяющий окунуться в атмосферу городской сибирской усадьбы. Той самой усадьбы, в которой, так или иначе, коренятся многие наши глубинные ментальные предпочтения (например, широкий двор за высоким забором, деревенская банька... Всё то, о чём тоскуют жители возведенных по европейскому образцу коттеджных посёлков. И что приводит в праведное негодование их застройщиков — поборников европейской эстетики и комфорта). Во многом именно на эти предпочтения делают ставку инвесторы, желающие поучаствовать в благом деле сохранения культурного наследия. Это если говорить о привлечении местной публики.

Если же брать туристов, то для выяснения их предпочтений вообще нет необходимости так глубоко погружаться в коллективное бессознательное — им всегда подавай то, чего у них никогда не было, нет и быть не может. Так что если думать об инвестиционной привлекательности, охране здесь подлежат не столько строения, сколько атмосфера, что ими создаётся. Не будет атмосферы — не будет и привлекательности.

Но что же случится с этой атмосферой, когда в неё вольётся совершенно чуждая ей энергия пятидесяти тысяч квадратных коммерческих площадей? И соответствующая этим площадям, озабоченная исключительно шопингом толпа? Можно с большой долей уверенности предположить, что сохранённые такой ценой старые деревянные дома, лишённые естественного антуража в виде заборов, высоких сибирских ворот и прочих усадебных построек будут выглядеть жалкими и несуразными в этом бездушном мире меркантильной суестьи.

Так ли нужны городу эти коммерческие площади? Тем более что и без них инвестиционная привлекательность квартала не пострадает. Конечно, не для крупного бизнеса. Но он здесь и нежелателен — здесь место для бизнеса малого, о поддержке которого так много говорят, но о котором тут же забывают, когда к проекту начинает проявлять интерес его собрат более солидной весовой категории. Видимо, именно это и произошло. Иначе чем объяснить, что проделанная красноярскими проектировщиками огромная работа, в результате которой по каждому отдельному объекту были определены необходимые для проведения аукционов комплекты документов, оказалась невостребованной. И утонула в недрах Управления капитального строительства Красноярского края. Точнее, в его Службе заказов по реставрации и использованию объектов культурного наследия. Утонула без какого-либо рассмотрения и обсуждения. Ну а торги, понятно, так и не были объявлены.

Тем не менее это не помешало утверждению, что желающих в них поучаствовать просто-напросто нет. Вот и возникла идея «повышения

Так в планах выглядит квартал

инвестиционной привлекательности». А может для начала следовало бы объявить торги, а уж потом делать выводы? Местный бизнес проявил большой интерес к проекту. Более того, пожелания его представителей были вполне созвучны идее сберечь исторический квартал как квартал именно усадебной застройки. Всё это говорит о том, что интересы горожан и малого бизнеса (а именно о нём шёл разговор, когда было принято решение о реконструкции квартала) полностью совпадают. Похоже, здесь имеет место тот редкий случай, когда можно не ломать голову над тем, где ставить запяточку в классическом образце фразе «сохранить нельзя заработать». А просто взять да помянуть бескомпромиссное «нельзя» на объединяющее «и». Разумно ли упускать такую возможность?

И всё-таки культура

На чём основаны концептуальные предложения красноярских проектировщиков? Во-первых, на обязанности сохранения именно усадебной застройки, а не отдельных объектов, насильственно лишённых охранных зон по самые стены. Начнём с того, что исторический рубеж при обращении к теме реконструкции квартала был зафиксирован на 20-х годах прошлого века. Это были времена НЭПа — наиболее удачные для воссоздания исторической атмосферы города силами сегодняшнего малого бизнеса. В отличие от концепции, предложенной иркутско-питерской командой, в красноярском варианте сохранённые деревянные здания фигурируют ни как досадные довески к масштабному коммерческому проекту, а являются стержнем проекта культурного, цель которого — воссоздание исторической среды Красноярска начала XX века.

Сохранившиеся усадьбы с их флигелями, каменными кладовыми и прочими службами в полной мере могут этому способствовать. Уже в ходе разработки концепции и у проектировщиков, и у заинтересованного бизнеса возникла масса идей их использования. Здесь вполне могут разместиться разные ремёсла, небольшие гостиницы, кафе и рестораны, всевозможные мастерские, художественные галереи, различные досуговые учреждения, маленькие магазинчики, торгующие каким-то необычным товаром. Или же вполне обычным — например, чаем, кофе и прочим, что когда-то продавалось под вывеской «колонияльные товары». Таким образом, может возникнуть не музейное, а живое, насыщенное разнообразными событиями пространство, исключительно привлекательное как для горожан, так и для туристов.

Помимо зданий, имеющих статус объектов культурного наследия, ещё больший интерес для бизнеса могут представлять три хорошо сохранив-

Объекты культурного наследия в границах улиц Горького — Богграда — Декабристов — Маркса

Регионального значения:

Жилой дом (ул. Богграда, 106)
Особняк (ул. Горького, 7)
Усадьба Колесникова — жилой дом, амбар, ворота (ул. Горького, 9)
Усадьба с домом врача Гланца (ул. Горького, 11)
Флигель Н.М. Королёвой (ул. Горького, 11а)
Усадьба С.В. Телегина — жилой дом, флигель (ул. Горького, 13, 15)
Усадьба Г.П. Некрасова — жилой дом, ворота (ул. Горького, 17)
Римско-католический костёл (ул. Декабристов, 20)
Дом ксендза (ул. Декабристов 22)

Муниципального значения:

Жилой дом (ул. Декабристов, 16)

Объекты ценной средовой застройки, обладающие признаками объектов культурного наследия:

Трёхэтажный каменный жилой дом (ул. Горького, 19)
Двухэтажные каменные службы усадьбы Телегина (во дворе ул. Горького, 15)
Двухэтажная конюшня усадьбы Телегина (во дворе ул. Горького, 15)
Каменные кладовые (в глубине двора ул. Декабристов, 16)
Флигель усадьбы Телегина (во дворе ул. Горького, 15)

шихся двухэтажных дома, территория которых примыкает к участку дома ксендза. Согласно иркутско-питерской концепции, на их месте должен появиться офисный центр в восемь этажей. Но так как эта территория входит в охранный зону дома ксендза, то без изменений её границ такое многоэтажное строительство здесь просто невозможно. В тоже время, эти три дома не являются охраняемыми законами объектами культурного наследия. А значит, могут перестраиваться и видоизменяться как внутри, так и снаружи. В результате может получиться оригинальный гостиничный комплекс в духе старого сибирского города. Ничто не мешает организовать здесь и подземную парковку — охранной зоны у этих строений нет, а въезд в парковку никоим образом не будет визуальным соперничать с костёлом, в отличие от офисного центра.

К тому же возможно увязать эти гостиницы с усадьбой Телегина, где

есть всё необходимое для размещения колоритнейшего ресторанного комплекса. На территории усадьбы находятся два флигеля, двухэтажные каменные службы и двухэтажная конюшня. Кстати, на реконструкцию этой усадьбы уже нашёлся инвестор. Правда, долгое ожидание вполне могло убавить его энтузиазм. Да и не только его, если брать во внимание неизвестно почему пересмотренные подходы к регенерации квартала и открытое стремление оттеснить тех, кто изначально ратовал за его сохранение.

Кстати, когда всё затевалось, участки предполагалось отдавать по минимальной цене. Но только тем, кто предложит наиболее интересный проект использования усадеб и больше других соискателей вложится в их реконструкцию. Было решено сознательно пойти на определённые потери в надежде получить качественное общественное пространство, которое в будущем сможет полностью окупить затраты на своё создание.

В это общественное пространство помимо исторического квартала должен войти и Центральный парк. Надо сказать, что и в предложении иногородних проектировщиков парк и квартал составляют единое целое. Правда, в основании там заложена не культура, а коммерция.

Местный же вариант предполагает исключительно бережное отношение к Центральному парку, предлагая максимальное его восстановление с выносом всего лишнего. В том числе и аттракционов, которые предложено перенести на территорию близ госпиталя (от Богграда к реке). При этом улицу Богграда можно было бы открыть, сделав сквозной. И разместить там обслуживающие гуляющую публику объекты, прикрывающие парк с юга. Конечно, речь не идёт о какой-то мощной застройке. Имеются в виду лишь сооружения парково-павильонного типа, не более.

Сам же парк должен быть ландшафтным и, конечно, перейти в ведение муниципалитета. Как показала практика, бизнесу мало интересен парк как место отдыха. Его больше занимают развлечения. И чем дороже — тем лучше. Кстати, предложения иногородних специалистов способны распространить ситуацию, сложившуюся в парке, и на территорию исторического квартала. К этому ли надо стремиться?

А вот предлагаемый красноярскими архитекторами и реставраторами вариант реконструкции вполне способен подарить Красноярску совершенно уникальное общественное пространство, создать которое больше нигде в нашем городе не получится (в отличие от так называемых торгово-развлекательных центров).

Здесь надо сказать, что красноярский исторический квартал последнее время почему-то принято сравнивать с 130-м кварталом Иркутска, которому и пытаются его уподобить. Но сравнение это совершенно неуместно. Наделавший много шума 130-й квартал в Иркутске по сути является новоделом. Притом новоделом, ничего общего не имеющим с исторической традицией. Его авторов извиняет тот факт, что реставрировать и вообще сохранять там было практически нечего.

У нас же пока всё складывается иначе. Но если и дальше тянуть время, то как бы и нам не оказаться в подобной ситуации. Дома стоят пустые. Кстати, их охрана обходится городу в немалые деньги.

Так что пора уже на чём-то остановиться: или потребление, или, всё-таки, культура.

Галина ДМИТРИЕВА

Как любовь

Обычный американец в течение дня встречает от 2 до 20 призывов к благотворительности, просьб о помощи. И он не теряется, не огорчается и не закрывается. Выбирает и жертвует. Если, конечно, у него сегодня есть такая возможность. Поскольку именно такое поведение предписывает ему культурная норма.

Статистики о том, как часто с призывами о благотворительности сталкивается обычный россиянин, нет. Как пока нет в России и культурной нормы благотворительности. Но она обязательно будет, — считает пресс-секретарь красноярского благотворительного фонда «Добро24.ру» Ольга АБАНЦЕВА.

— **Оля, что такое благотворительность?**

— Социальная гарантия.

— **Ещё одна? У нас ведь масса социальных гарантий, а к сентябрю наверняка ещё какие-то появятся.**

— А это гарантия не государства. Благотворительность — это когда каждый человек, член общества, становится социальным гарантом для любого нуждающегося. Не надеется на государство, а сам выступает в этом качестве, добровольно и осознанно. И тогда общество действительно становится гражданским и защищённым.

— **То есть благотворительность — это удел стран, в которых правительство не может обеспечить основные нужды, поэтому гражданам приходится брать на себя этот труд?**

— Для большинства стран это неверно, но в нашей стране — да. Правда, наша «новая» благотворительность началась не так давно. Раньше-то, до революции, всё было довольно традиционно. В советское время из зарплат принудительно «вычитали» на памятники, библиотеки и прочие, казалось бы, благие дела. Но акт творения блага из-под палки, по приказу, не являющийся актом доброй воли, нельзя назвать благотворительностью. Поэтому в советское время благотворительность в нашей стране умерла. И возродилась уже в России конца 1990-х — начала 2000-х.

— **Почему именно тогда?**

— Тогда произошло социальное расслоение, появились люди богатые и откровенно бедные, выделился средний класс. Появилась возможность путешествовать, многие впервые побывали за границей, увидели, как там помогают обездоленным, как общество относится к благотворительности. Особенно вдохновил опыт Америки.

— **Чем?**

— Соединенные штаты — страна молодая, образовавшаяся только в 18 веке, а уже в 19-м, с развитием прогресса, там появились первые миллионеры — РОКФЕЛЛЕРЫ, КАРНЕГИ и прочие нувориши, нуждавшиеся в признании. Вспомни пирамиду МАСЛОУ: потребность в уважении стоит недалеко от удовлетворения физиологических потребностей. То есть после того, как человек себя накормил и обезопасил, ему необходимо признание. И в США началась гонка престижей. С появлением Стэнфордского университета начала складываться системная благотворительность по открытию университетов и библиотек: в США большинство из них построены частными лицами, поэтому

носят конкретные имена. И чем больше, весомее то, что человек подарил обществу — например, больницу или реабилитационный центр — тем выше его престиж. Можно присоединиться к компании с репутацией, и сияние бренда распространится на тебя. То есть фирма, построившая новый корпус в Гарварде, увеличивает свой престиж ровно на Гарвард.

— **Подожди, но ведь декларируется, что в США сегодня всё хорошо с социальными гарантиями. Если государство справляется, зачем нужна благотворительность?**

— Потому что это круто. У нас же благотворительность вынужденная: по копейке, с миру по нитке — голому рубашка. Наш фонд «Добро24.ру» занимается адресной помощью. Это сбор и передача родителям либо клиникам средств на лечение детей при тяжёлых заболеваниях: онкология, ДЦП, муковисцидоз. И большая часть платежей, которые проходят через фонд и спасают жизни детей, — это переводы до ста рублей. Я участвовала в сборах уже примерно 60 миллионов рублей, и могу точно сказать, что 50 рублей могут спасти мир. Самые активные жертвователи — это пенсионеры, матери-одиночки и студенты. То есть наша благотворительность — это отнюдь не благотворительность Рокфеллеров. В крупных ком-

паниях, таких как Ванкорнефть или Газпром, конечно, есть благотворительные программы, и наверняка они помогают людям, но... Нет об этом информации.

— **Почему? Опасаются, что выстроит очередь из неимущих?**

— Думаю, для них это не имеет смысла сегодня. По нашему законодательству, бизнесмен должен сделать доброе дело, а потом оплатить сюжет в новостях, чтобы рассказать. А смысл? Поэтому одни занимаются благотворительностью, но никому об этом не рассказывают, другие покупают прямую рекламу, а в информационном пространстве — тишина, такое ощущение, что благотворительности нет. Правда, появление соцсетей изменило ситуацию. Конечно, там и для мошенников возможности появились, но тут уже вопросы не к тем, кто жертвует, а к правоохранительным органам и законодателям.

— **А какие возможности у мошенников? Объявляют себя фондом, собирают на лечение ребёнка, а покупают виллы на Средиземном море?**

— Собирают не только фонды. У человека должна быть возможность выбора: перечислить средства в фонд или приехать отдать лично в руки конкретному человеку. Другое дело, что через фонд пожертвования более защищены. Мало того, фонд может стать инициатором отзыва пожертвования через прокуратуру, если появ-

ится подозрение, что деньги тратятся ненадлежащим образом. Если же ты сделал пожертвование сам родителям, то это добровольная передача средств, и доказать потом в прокуратуре, что жертвовал ты не на автомобиль для папы, а на донорский костный мозг для дочери, невозможно. У фондов же и договор с заявителем, и отчётность прозрачная. Поэтому жертвователи могут быть уверенными, что его деньги пойдут на заявленные нужды. И если какие-то сомнения появляются, тут же обращается в фонд, а мы проводим проверки.

— **Что должно произойти с человеком, чтобы ему захотелось поделиться своими большими или совсем небольшими деньгами с тем, кому плохо?**

— Знаешь, я постоянно об этом думаю. Нет одного механизма, у всех по-разному. Я впервые подумала о ком-то ещё, кроме себя, когда родила сына.

— **Сколько ему сейчас?**

— Семь лет.

— **А в благотворительности ты?..**

— Шесть. Когда пишу о наших подопечных, пытаюсь понять, что всколыхнёт людей. Чаще всего людьми движет страх. Страх и желание защитить себя и своих близких, уберечь, откупившись. Другое дело, что это

реже скверную роль? На тебя со всех сторон вываливается это «помогите», страшные судьбы, все сообщения переполнены болью. И первое желание — руками от этой боли закрыться.

— Это очень российский синдром — закрыться. Сродни тому, как люди боятся вслух сказать слово «рак». Но если отвернуться, проблема не исчезнет.

А у нас культура благотворительности не могла появиться, потому что в ней не было необходимости. В моём детстве в детских садах не было детей-инвалидов. И в школе. А в университете было шоком, что у нас на курсе училась девушка с ДЦП. Мне стыдно до сих пор, но я с ней ни разу словом не обмолвилась.

— **Что тебя останавливало?**

— Как раз отсутствие культуры, традиций в отношении к инвалидам. Был только инстинктивный страх присутствия в моей жизни неполноценности, болезни, пусть и чужой. Мне не хотелось этого в моём мире. И государство сделало всё, чтобы мы не встречались с такими людьми, они жили в каких-то гетто.

Если калеки, просящие милостыню, в царские времена на улицах никого не шокировали, а напротив, позволяли выполнять христианский долг, то в СССР они оказались большим мозолем, их исключили из жизни. Более того, наша страна и архитектурно не предназначена для жизни таких людей.

Не появляются такие герои ни в отечественной литературе, ни в кино. Поскольку сын скоро станет подростком, я готовлюсь — смотрю сейчас молодёжные американские сериалы и поражаюсь разнице. Во-первых, присутствие инвалидов там повсеместное, поскольку доступная среда везде. Во-вторых, для поступления в колледж у подростка, кроме хороших отметок, должно быть некое портфолио, в котором представлены творческие, исследовательские проекты и обязательно — проекты по участию в благотворительных акциях. То есть дети буквально с детского сада готовы разделить если не финансы, то силы и время с теми, кому повезло меньше.

Мой ребёнок, поскольку я в этом работаю, знает, что есть разные люди. Он знает, что дети болеют, он плачет со мной, когда они умирают.

— **А нужны ли такие потрясения семилетнему ребёнку?**

— Если он сейчас этого не поймёт, если его сердце научится только радоваться и брать, то как же я смогу быть уверенной, что к 30 годам оно захочет сопереживать и отдавать?

— **Зато он может вырасти счастливым человеком.**

— Для своего ребёнка я такого счастья не хочу. В немецких концлагерях тоже ведь работали счастливые люди. Устраивали вечеринки, влюблялись и хохотали, когда в паре метров от них людей жгли в печах. У каждого свой путь к счастью.

— **Оля, сочувствие может быть и через позитив. Почему призывы к благотворительности в России бьют наотмашь, через боль и ужас? За границей же иной подход — через интересные акции, в которых хочется принять участие. И люди с удовольствием включаются. Например, австралийки устраивали забег на шпильках, чтобы собрать деньги для фонда борьбы с раком груди. Проблема вроде такая же серьёзная — онкология, но эмоции другие. Почему у нас этого**

Генриетта Болдина — директор фонда «Добро24.ру», Наталья Дубашинская — пресс-секретарь театра им. Пушкина, Ольга Абанцева — пресс-секретарь фонда

нет — благотворительность пока еще неокрепшая, или это связано с нашим менталитетом? Или воздействие через негатив даёт более быстрые результаты?

— Какой негатив? Ты имеешь в виду размещение призывов «Помогите, иначе он умрёт» с фотографией невесёлого ребёнка? Это вынужденные приёмы, и мы от них стараемся уходить. Писать отстранённо невозможно, ведь подопечные становятся частью нашей жизни, мы постоянно общаемся, следим за здоровьем и лечением, роднимся. При таких условиях написать сухой информационный пост невозможно. Но — мягче, без пережидания эмоций.

А потом, мы же православная страна, а православие — это всё же довольно печальная, на мой взгляд, религия. Посмотри на строгие лики наших святых. Протестанты или буддисты могут себе позволить рассказать анекдот о монахе или пошутить о святом, в нашей же культуре такое недопустимо. Может, ещё и поэтому мы склонны отзываться скорее на печальное.

Ну, и нетрадиционные формы у нас сложно применять. Мы консервативны. Даже в фонде у нас часты споры, а всего-то два штатных сотрудника — я и директор фонда Генриетта БОЛДИНА. Я не вижу крамолы в акциях на грани фола: предположим, чтобы голые люди собирали деньги для лечения детей с ДЦП, потому что это точно привлечёт всеобщее внимание. Генриетта же — сторонница классического подхода, она от хулиганства меня удерживает.

— И как два сотрудника фонда могут не только собирать средства, но ещё и пытаться закладывать какие-то культурные нормы благотворительности в обществе?

— А у нас есть помощники — тысячи людей, состоящих в группах фонда и наших подопечных в социальных сетях. В Красноярске сейчас начинается проект «Доброкарта», направленный на привлечение волонтеров из студентов, и с его помощью, я думаю, благотворительным фондам будет легче работать.

— Как ты занялась благотворительностью?

— В определённый момент мне захотелось, чтобы мой ребёнок жил в мире, который хоть немного лучше сегодняшнего. Но куда приложить силы? Мне очень повезло, что рядом с местом моей работы оказалась благотворительная столовая «Милосердие». Я просто зашла туда и спросила «что нужно?». Познакомилась с Татьяной Викторовой ЗАБОЛОЦКОЙ, которая вот уже 16 лет работает там директором. И очень меня тронуло, как какой-то человек во время нашей беседы зашёл, поздоровался, поставил сумочку с продуктами и вышел. Спрашиваю — это что? Татьяна Викторова отвечает: этот человек раз в два месяца привозит картофель и другие овощи со своего огорода, понимая, что кто-то не может себе даже такого позволить.

Это ведь правда ужасно, когда кому-то нечего есть. Кто-то в этот момент голодает. На фоне всей этой современной молекулярной кухни дорогостоящей. Я не призываю отказываться от изысканной еды. Но вот этот контраст, он ведь не книжный, он реальный, он прямо сейчас с нами происходит.

Столовая «Милосердие» — это как раз редкий пример благотворительности сверху, проект Людмилы ПИМАШКОВОЙ, как и её благотворительный фонд. А что сегодняшняя

Ольга с сыном

политическая, бизнес-элита края? Где супруги этих уважаемых людей? Неужели жёны современных политиков не равняются на великих женщин, оставшихся в истории?

— А почему им непременно нужно желать оставить свой след в истории?

— Кому много даётся, с того много и спрашивается. Однажды в фэйсбуке я задала этот вопрос: «Политики, бизнесмены, где ваши жены?» Почему благотворительность у нас занимаются небогатые Даша МОСУНОВА, Надя БОЛСУНОВСКАЯ?.. Я вот, например, ни разу в жизни за границей не была. А в ответ — тишина. О меценатах тоже нет информации, или о кураторстве школ, например... Не хочется верить, что все их интересы ограничиваются шопингом в Милане...

— Всё же как ты ушла из журналистики в благотворительность?

— Поскольку я работала в газете, сталкивалась с просьбами родителей о помощи в поиске средств для лечения больных детей через СМИ. А я с частью сегодняшних журналистов училась, со многими работала, поэтому было несложно договориться о размещении информации. Потом был первый для меня большой сбор средств — девять с половиной миллионов для Никиты ЛУНКОВСКОГО на пересадку костного мозга в Сингапуре, и я познакомилась с группой волонтеров. Сбор продолжался год, деньги собрали, операция прошла успешно, и Никита вернулся в Россию. Здесь, к сожалению, организм отторг донорский костный мозг, не справился, и Никита ушёл.

Я не буду говорить об уровне нашей медицины, поскольку не специалист. И сравнивать инвестиции в медицинские исследования у нас и в США тоже не буду. Но от некоторых фактов просто опускаются руки.

Вот есть такое заболевание — муковисцидоз. Это системное наследственное заболевание, обусловленное генной мутацией. Считается, что в России с таким заболеванием рождается один ребёнок из 10 000. Население России немаленькое, как мы знаем, заболевание тяжелее и неизлечимое. И для таких больных на всю Россию — четыре койко-места в стационаре. Во всём мире с муковисцидозом живут, а у нас, как правило, не выживают.

Наша подопечная восьмилетняя Ариша с нейробластомой. Во всём мире это заболевание лечат МИБГ-терапией — радиоактивным йодом. В России такое лечение не проводится, то есть нужно ехать за границу. Диагноз поставлен пять лет назад. Мы сейчас проводим сбор на лечение девочки в Германии — нужно 11 260 000 рублей. Вот что делать родителям в такой ситуации? Только идти по миру с протянутой рукой.

— Когда дети уходят, родители живут с этой болью всю жизнь. А ты идёшь к следующей разрываю-

щей сердце истории. Как ты себя сохраняешь?

— Для многих потеря кошелька с деньгами и транспортной картой будет трагедией. Я же, поскольку ежедневно сталкиваюсь с настоящими трагедиями, не стану расстраиваться по такому поводу. И ко всем бытовым неурядицам отношусь гораздо легче.

И с большей любовью — к сыну. Сердце сжимается, когда вижу, как люди позволяют себе проявлять неуважение к собственным детям. Я знакома с мамами, которые многое бы отдали за то, чтобы их ребёнок баловался или капризничал, бегал и кричал радостно — жил. Поэтому формы воспитания, в которых есть хоть какой-то элемент насилия над ребёнком, для меня неприемлемы. Допускаю, что я неправа, и лет через двадцать можно будет оценить, какие плоды принесёт моё воспитание, но пока это делает меня безусловно счастливым родителем. Я точно знаю, что всё в отношениях между родителем и ребёнком возможно с помощью любви.

Понимание трагедий родителей, потерявших детей, напоминает мне и о том, в чём настоящее счастье. И пробуждает благодарность за то, что я могу дышать, шевелиться, бегать, печалиться, влюбляться.

И ценить это. Потому что слишком всё хрупко. Секунда — и ты из энергичного человека вдруг превращаешься в того, кто никогда не сможет подняться с кровати и улыбнуться своему ребёнку. Всё это даёт близость трагедии.

А ещё я впервые чувствую, что делаю что-то по-настоящему важное.

— Однако долго жить в таком режиме невозможно. Однажды придётся либо наращивать кожу, либо столкнуться с эмоциональным выгоранием.

— Когда мы решили организовать фонд, нас было шестеро, сейчас осталось двое. Четверо ушли, потому что очень болезненно переживали смерть детей. И я их понимаю. Но сама так поступить не могу. У меня не может быть выгорания в такой ситуации. Я же понимаю, что если меня не станет, то жизнь подопечных фонда из сложной станет ещё более сложной. Это не отвлечённые понятия, а конкретные судьбы, жизни. Когда у Виолетты ПОЛЯКОВОЙ в израильской клинике после трансплантации костного мозга начались осложнения, а деньги на лечение закончились, сотрудники клиники мониторили наши группы в соцсетях, наблюдали ежедневный рост средств, собранных для Виолетты, и именно эти группы стали гарантом того, что счета будут оплачены,

поэтому лечение девочки не прекратили. Так важно, чтобы само движение благотворительности становилось мощнее.

— Что для этого нужно?

— Работать. Не отчаиваться. Искать новые формы. Может, однажды удастся пробиться к кому-то из людей состоятельных и состоявшихся. А потом мы с Генриеттой мечтаем, чтобы в Красноярском крае появились детский хоспис и реабилитационный центр, построенные на пожертвования, где будут применяться современные методики, и ребёнку в тяжёлом состоянии не скажут «мы не готовы вами заниматься». У нас ведь в крае около 2000 детей с ДЦП зарегистрировано только в этом году. Что им предлагает государство? Массаж два раза в год и раз в год поездку в краевой санаторий на курс ЛФК. Некоторым даже в занятиях с логопедом отказывают — мол, зачем, если говорить они почти не могут?

Часто нас упрекают, что мы не занимаемся изменением законодательства. То есть сталкиваемся с проблемами, но решаем их адресно, локально. Появляются оппоненты, которые говорят «ну, собрать-то деньги — это самое простое, вы законы измените». Меня эти выпады забавляют. Ведь этот советчик наверняка сам в состоянии изменить закон, и было бы здорово, если бы он это сделал. Но он выбирает советовать. Ок.

— Что может сделать человек, если захочет помочь, — к тебе обратиться?

— Безусловно. Обязательно найдётся применение любой активности — не в нашем фонде, так в другой благотворительной организации. Важно, кому ты помогаешь — детям, взрослым или животным. Ты делаешь мир лучше — это главное. И однажды благотворительность станет нормой.

— А кому охотнее жертвуют?

— На первом месте дети, на втором — кошки-собачки, потом — старики и на последнем месте — взрослые трудоспособного возраста. Поэтому, если заболеем мы с тобой, собрать средства на лечение будет очень трудно даже с помощью волонтеров. Почему-то ценность жизни работоспособного человека в глазах нашего общества минимальна.

— Что влияет на сборы? Колесания курса доллара на вас как-то отразились?

— На сборах нет. А вот на возможность оплатить лечение тем, кто уже уехал — да. Участие медийных лиц сразу увеличивает сборы. Когда к сбору для студента СФУ Гриши МИШУТУШКИНА подключился Фёдор ЕМЕЛЬЯНЕНКО, половину необходимой для лечения суммы собрали довольно быстро. И это были простые студенты.

— А из местных медиаперсон кто-то участвует в работе вашего фонда?

— Актёры театра имени Пушкина. Когда совсем аховая ситуация, прошу помочь с репостом в соцсетях Анну ПРОХОРОВУ, Владимира ПЕРЕКОТИЯ. Бывает, не отказывают. Но иногда проще уговорить Веру БРЕЖНЕВУ разместить информацию о красноярском ребёнке, чем кого-то из местного сообщества.

— Почему?

— Не знаю. Было бы здорово, если бы каждый известный человек выбрал подопечного и поддерживал его хотя бы репостами в соцсетях. Ведь через перепосты невозможно заразиться ни онкологией, ни ДЦП.

Александра КАЗАНЦЕВА

Человек пластичен

Магистрант СФУ Аня ГРУЗ-ДЕВА звонит в редакцию: «А давайте запишем разговор с Ильёй УТЕХИНЫМ. Он профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, занимается в том числе медийным пространством современных городов. Должен понимать, как современные люди коммуницируют — и почему коммуникация проваливается. Утехин через десять дней читает лекции в Москве, можно попробовать связаться с ним по скайпу».

«Подожди, Аня. Утехин завтра-послезавтра читает две публичные лекции у нас в Красноярске, в СФУ».

Понимаете? Во-первых, не надо куда-то ехать и кого-то искать за тридевять земель, самые актуальные темы обсуждаются рядом, здесь и сейчас. А во-вторых — вот вам и иллюстрация коммуникационных и информационных (как в данном случае) провалов, о чём мы и хотели сделать публикацию.

Антропологи открыли для себя города

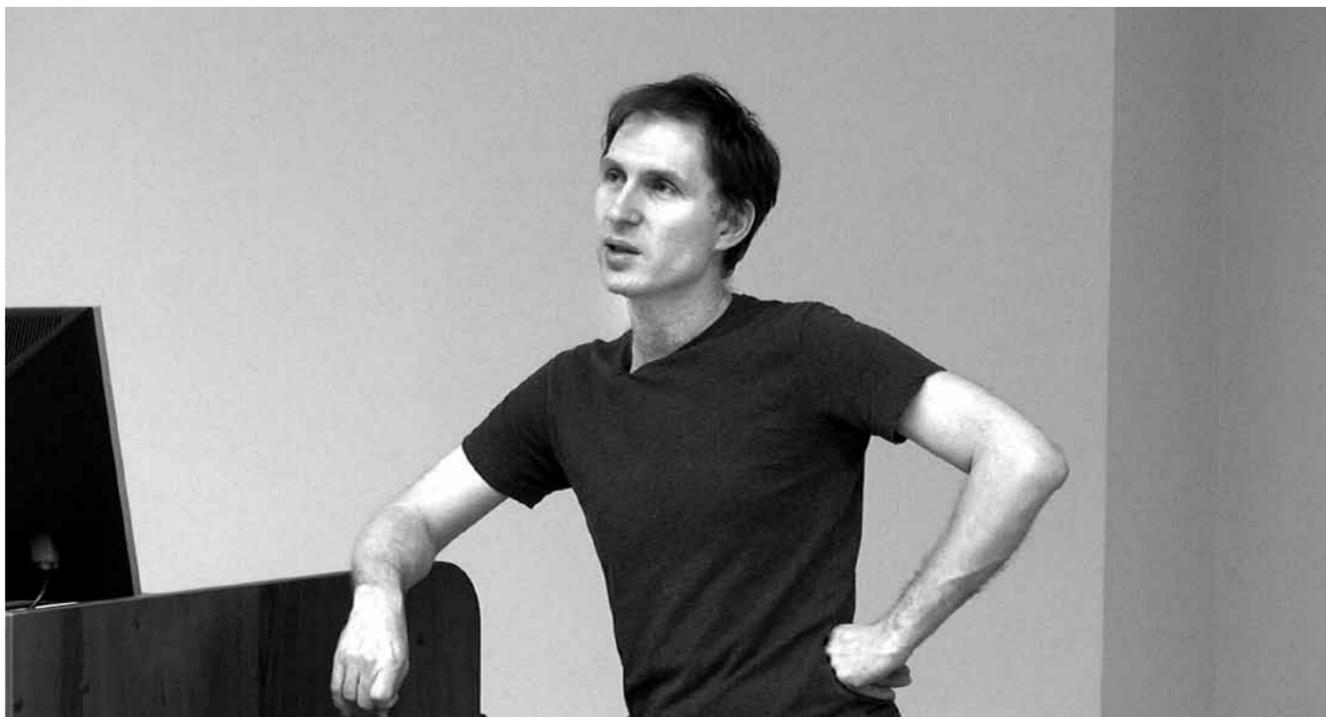
Итак, Илья Утехин. Антрополог по образованию, он поясняет, почему в начале 20 века учёные шли в заброшенные поселения, чтобы изучать человека как он есть, оторванным от напластований цивилизации. А сегодня их потянуло в города, причём самый модный предмет антропологических исследований — городские трущобы. Видимо, там тоже человек как он есть. Но главное — большинство людей сегодня живут в городах. Homo urbanus.

Первая лекция «Публичное пространство города как медийное пространство» прошла в формате «презентации». То есть очень много картинок и любопытных наблюдений, их комментирующих. Например, переселение в города уменьшает вероятность встретить знакомого (в сёлах каждый встречный знаком). И анонимность человеческих встреч становится существенным свойством пространства.

С другой стороны, присутствие бок о бок людей разных культур и традиций (например, в кафе, где одни не едят свинину, а другие требуют стейк) диктует нам необходимость толерантности — и в то же время даёт повод подчеркнуть нашу разницу.

Или вот ещё тренд: если раньше информация в городском пространстве была объектом контроля и не предполагала интерактивности, то теперь взаимодействие с пользователями, которые становятся соавторами, — более чем востребовано. Как пример — создание пространства dreaming wall, когда прямо на уличной плазме появляются смс, которые вы в этом месте кому-либо отправили; вы пишете — а вся улица читает. Круто?

В этом же контексте — появление в городах малых скульптурных объектов, с которыми прохожий может вступать во взаимодействие. Памятник былых эпох — он ведь взаимодействия не предполагал, он скорее помечал, кто здесь хозяин. А вот Андрей ПОЗДЕЕВ в Красноярске или Антон Павлович ЧЕХОВ в Томске — нынче совсем другая история.

Классика Выготского

Пожалуй, следует упомянуть, что на второй лекции аудитория была заполнена значительно плотнее (обычно бывает наоборот). Возможно, сарафанное радио сообщило, что лектор того стоит. А может, совершенно другая тема лекции — «Семиотическая психология Л.С. ВЫГОТСКОГО: взгляд из XXI века» — привлекла дополнительных слушателей, не только архитекторов и медийщиков, но и психологов, скажем. Однако присутствующие должны были почувствовать разницу: если первая лекция структурировалась показом слайдов, то вторая вовсе обошлась без экрана. При этом сам Утехин сказал, что формат таких полуторачасовых выступлений в ближайшие годы умрёт. К стати или нет, но хочется выразить сожаление по этому поводу, особенно в контексте данного номера газеты, посвящённого культуре. А как же тысячелетняя культура университетов? Веками профессора читали — и слушатели ничего, внимали и образовывались. Почему же сейчас это неэффективно? К стати, примеры, приведённые на этой лекции, стоят перед глазами не хуже картинок. И уж по крайней мере их проще пересказать (попробуйте описать слайд). Вот только три сюжета.

Лев Выготский часто начинал свои выступления с циркового «фокуса». Он просил продиктовать ему длинный ряд четырёхзначных чисел, записывал их на доске, потом поворачивался к доске спиной — и мог воспроизвести все числа в любой последовательности и с любого места. Секрет был вовсе не в том, что у Выготского феноменальная память. Просто когда-то в юности Лев Семёнович готовил себя к профессии театрального критика и выписал самые значимые произведения мировой культуры в хронологическом порядке. Эту таблицу — год, автор, произведение — он знал наизусть. Потом оказалось, что именно она помогает ему запоминать любые числа, которые он мысленно просто вставлял в тот или иной промежуток «дат». Так Выготский сформулировал необходимость использования опосредующих элементов для выработки тех или иных высших психических функций (не только памяти). И открыл механизм семиотической организации этих процессов.

Сначала снаружи, потом внутри

Дальше И. Утехин рассказал про общий генетический закон развития, открытый Выготским. Психологам закон, наверное, известен как азы профессии, но для кого-то он стал настоящим откровением. Закон гласит: «Всякая психическая функция в культурном развитии ребёнка появляется на сцену дважды: сначала в социальном плане, затем в психологическом». То есть сначала ребёнок действует, причём не в одиночестве, а в окружении других людей, а потом вырабатывает к этому внутреннее отношение.

Поясним примером, может быть, не очень буквальным, но симпатичным — из книги американского переводчика Выготского. Автор рассказывает, как маленькая дочка подошла к нему и сообщила, что нигде не может найти любимую игрушку. Они осмотрели все возможные места, а потом папа спросил: а когда мы ехали в машине, у тебя в руках была кукла? И тут девочка сообразила, что в машине — была, а потом — нет, пошла и нашла потерю. Так кто нашёл куклу? Папа — или он только помог вспомнить? Это пример такой коллективной мыслительной работы. Или как научно определяет докладчик — социального распределения когнитивных процессов. Про это — ещё один яркий пример.

«Красный феррари»

Представьте, что по дороге мчит шикарный автомобиль с открытым верхом, за рулём такой крутой мачо, он всех объезжает зигзагами, обгоняет и исчезает где-то на горизонте. Вопрос: это он такой отличный гонщик, или всё же заслуги — у всей «команды» находящихся в тот момент на шоссе автомобилистов? Ведь каждый из них вовремя увидел приближение гонщика, кто-то чуть свернул к обочине, расширив коридор, кто-то притормозил, дав место впереди себя... В результате над оптимальным раскладом этой партии поработали все.

И ещё один пример, уже без отнесения к какому-то закону, просто — как экспериментально доказанный факт. Удивительно, но выяснилось, что когда перекрёстки не регулируются светофорами, аварий там меньше. Просто люди начинают больше внимания обращать на поведение

других участников дорожного движения, стараются понять их логику, вплоть до того, что поворачивают, только обменявшись взглядами со встречным и получив разрешение: «Пропускаю...».

Вот так сведения, извлечённые из наследия умершего в 37 лет от туберкулёза великого отечественного психолога, очень органично помогают разобрать реалии сегодняшнего дня.

Распараллеленный мир

А потом состоялся-таки разговор Ани с Ильёй, и говорили они о знаковой системе современного города, о новых технологиях коммуникации с миром и о том, что дают и чем вредят они человеку.

— **Есть такой фотограф Александр ГРОНСКИЙ. И он говорит, что снимает на окраинах, а не в центре города, потому что центр для него слишком перегружен знаками. Так ли это? И как эти знаки влияют на современного человека, в какой диалог они заставляют его включиться?**

— Я понимаю фотографа. Его эстетическим воззрениям противоречит насыщенность разного рода сообщениями, например, текстами. Есть люди, которые любят на себя повесить значки, надеть майку с надписями, а есть те, кто принципиально маек с надписями не носит. Я тоже снимаю и иногда дарю друзьям фотографии. Однажды меня пригласили в гости, я принёс фотографию, но не стал её дарить, потому что понял: там очень лаконичный дизайн, и всё в устройстве интерьера таково, что исключает картинку на стенах. Эстетическое чувство моего приятеля тревожат картинки.

Так и чувства фотографа тревожит тот факт, что огромное количество разных сообщений обрушивается на человека, и человек вынужден, по сути, не обращать на них внимания. Ведь чтобы прочесть всё и воспринять всё, что находится на площади или на протяжении ежедневного маршрута, нам нужно было бы остановиться. Но мы не обращаем на это внимания. Картинки, реклама, светофор, звуковые сигналы, то, что движется в витрине, флаеры, которые вкладывают в руки... Всё это для людей, которые выросли в этой культуре, не проблема. Они находят свои пути взаимодействия с таким пространством, они, например, сами в

наушниках. То есть их внимание распараллелено, и они ни на чём долго не фокусируются, а значительную часть информации воспринимают в фоновом режиме.

А для человека, который привык общаться с природой, долго читать одну и ту же книжку, сосредотачиваться, такое знаковое пространство чуждо. Я тоже, например, не могу ехать в маршрутке, потому что водитель включает такое радио, которое я слушать не могу.

— Можем ли мы предположить, что даже те, кто вырос в этом информационном, визуальном шуме, захотят убежать от него? Человек ведь не может воспринимать столько информации, сколько есть сейчас вокруг... Или всё-таки он адаптируется, какой бы массив информации на него ни вываливали?

— Человек довольно живучее существо и адаптируется ко многим вещам. Он может встраивать в своё функционирование и разные технические устройства, и инструменты, которые продолжают его функции восприятия (как палочка у слепого; где его орган познания заканчивается — там, где он держит за рукоять, или на конце палочки?).

Двадцатый век совершил с нами переворот: сегодня большая часть населения живёт в городах, в мегаполисах. Здесь мы постоянно находимся в окружении шума, просто шума. И часто нас как раз поражает тишина в сельской местности. А для нас тишина — то, что стало фоном, что мы перестали замечать.

Пределы приспособляемости человека очень велики, поэтому вполне возможно, что новые поколения будут всё более и более толерантны к такого рода нагрузке, потому что их внимание избирательно.

Посмотрите, какое количество информации вы могли бы потреблять в Интернете из того, что вам интересно. Но фактически вашим агентом является фейсбук, он фильтрует то, что, по его мнению, вам интересно. И вам это действительно интересно. То есть ваше внимание зависит не только от вас, а от того, что за вас кто-то выбрал.

Таким же образом человек «вырезает» из окружающей действительности какие-то вещи, которые для него актуальны. И в этом смысле тенденция заключается в том, что действи-

тельно человек иначе организует своё внимание и медиапотребление.

С другой стороны, наша реальность неодинакова. Есть клуб, где звуковая волна потряхивает вашу диафрагму. Есть чил-аут, где всё специально иначе. Известно, что чем дороже ресторан, тем в нём тише.

— Получается, что мы в скором будущем должны будем платить за то, чтобы побыть в тишине?

— Вы же покупаете возможность не видеть рекламу. Если у вас платный аккаунт, то вы потребляете те медиа, за которые заплатили, без рекламы. Вы платите за то, чтобы вам не мешали.

Вообще шум у нас ассоциируется, прежде всего, со звуковой агрессивностью среды хуже визуальной, она гораздо более вирулентная, если говорить в медицинских терминах, или попросту опасная. Когда у нас на эскалаторе метро висят рекламные щиты, мы можем на них не смотреть, а вот не слышать звуковую рекламу мы не можем. И поэтому создание звукового фона и промывания мозгов с помощью этого — черта господства и контроля за пространством.

— Похоже, современный человек уже «подсел» на то, что его постоянно вовлекают в диалог. Мы зачастую не можем и часа провести, чтобы не проверить почту, твиттер.

— Да, это синдром, когда молодые люди не могут не думать: а не пришли ли им обновления в фейсбуке, твиттере, инстаграме, не залайкали ли их посты? Есть и такой известный феномен, как вибрационные галлюцинации, когда кажется, что телефон подаёт сигнал, а на самом деле он молчит.

Такая постоянная включённость в диалог действительно характерна для некоторых людей, но подчерки-

ваю — для некоторых. Есть и те, кто мало пользуется технологиями, мало общается в Интернете, но при этом занимает высокие социальные позиции. Это довольно распространённая ситуация для людей, у кого есть секретари.

Действительно, интенсивность контактов у многих возросла. Поэтому сегодня изменяется способ презентации личности. Личность сегодня состоит не только из внешнего вида и статуса, но и из виртуальной презентации человека. У него есть блог, профиль в фейсбуке, и сейчас даже в бланке при устройстве на работу или в грантовой заявке просят указать ваши страницы в Интернете, где иногда можно узнать о человеке больше, чем при личном общении.

Конечно, человек этим озабочен. Самопрезентация должна оставаться актуальной, всё время обновляться, быть интересной другим. Человек озабочен имиджем, но не перед лицом всего мира, а перед лицом той группы, которая для него актуальна. Если он долго не появляется в Интернете, он думает, что теряет своё публичное лицо.

— Как вы считаете, Интернет и обычный мир — это всё-таки одна коммуникативная реальность или две? У меня, например, есть ощущение, что, включая браузер, я открываю некий параллельный настоящему мир.

— Здесь есть несколько аспектов. С одной стороны, Интернет — это часть нашей обычной жизни. Билеты на поезд, концерт, выставку сегодня можно купить в Сети. Если я в скайпе по делу общаюсь с коллегой, то у меня нет границы между работой в Интернете и повседневностью. Это органическая часть, и она ничем не отличается от остального мира.

С другой стороны, Интернет изначально менее широкополосный. Когда мы видим друг друга непосредственно или хотя бы через видео, мы всё-таки видим много и невербального. А когда общаемся в чате — это совсем другой жанр. Мы можем воспользоваться этими ограничениями, чтобы всё остальное себе достроить.

В ранних формах интернет-общения преимуществом было то, что ты можешь спрятаться под маской в социальных сетях, и эта анонимность была прелестью, которая позволяла тебе выстроить любой образ. Ты мог

играть со своей личностью. Но любопытно, что через десять лет возоблудала другая тенденция: Интернет как продолжение жизни, и твой профиль — это ты настоящий, это твой своеобразный паспорт.

— Недавно в кинотеатрах показывали новый фильм Спайка ДЖОНСА «Она», где герой покупает операционную систему с голосом Скарлетт ЙОХАНССОН, начинает общаться с ней, как с человеком, а потом и влюбляется в неё. Он испытывает реальные чувства. Может ли Интернет стать органической частью нашей чувственной реальности?

— В середине 60-х годов появилась такая программа «Элиза», названная в честь Элизы ДУЛИТЛ. Автор этой программы Джозеф ВЕЙЦЕНБАУМ программировал на Lisp. «Элиза» была первой программой-ботом, которая имитировала общение простыми средствами. Для глубокого разговора она не годилась, но в качестве интервью с психотерапевтом — вполне. У «Элизы» была функция «доктор», где у программы стояла задача построить общение таким образом, чтобы человек сам себе помог, выговорился, сформулировал какие-то вещи.

В любом другом жанре общения требовалось бы реальное понимание того, что человек сказал, а программа могла ответить вопросом на вопрос: «Какие книги тебе нравятся?» — «А вам какие?». Удивление Вейценбаума было связано с тем, что некоторые люди, которые попробовали общаться с «Элизой», были уверены, что они разговаривают с настоящим человеком. Вейценбаум потом написал книгу, которая была продиктована его озабоченностью тем, что компьютер способен создавать вокруг человека фальшивую реальность.

То, что сейчас искусственный интеллект может обмануть человека, это правда. Даже очень примитивные вещи могут обмануть, например, поставленные в нужном месте ответы «да» и «нет» могут создать иллюзию настоящего общения. Показательно, что такие обманы связаны с областью романтических отношений: смс, общение на сайте знакомств, в чате. Это обычные практики, часть современной жизни, которая опирается на новые технологии.

СФ

Мессиджи в городе всюду — на стенах, заборах, столбах, под ногами...

Простые радости

В феврале «Российская газета» опубликовала интервью советника Президента РФ по культуре Владимира ТОЛСТОГО. Оказывается, в федеральном бюджете предусмотрено только 0,7 % на культуру, а в бюджетах субъектов Федерации — около 3 %. При этом 2014-й год объявлен в России Годом культуры.

По мнению Владимира Толстого, сокращать сферу культуры или «оптимизировать» её, не понимая, что она и без того недостаточна, преступно: «Что мы видим на деле? Сжимающие культурного поля как шагреневой кожи... Главные символические объекты государство щедро поддерживает... Но было бы ещё лучше, если бы сопоставимые объёмы финансирования направлялись на поддержание системы в целом».

А система эта — пока достаточно обширна. В Красноярском крае 1276 муниципальных культурно-досуговых учреждений. В самом Красноярске базируются такие крупные краевые учреждения клубного типа, как Дворец Труда и Согласия, Государственный центр народного творчества, Дом офицеров, Центр культурных инициатив (бывший ДК «Красцветмет») и др.

На малой родине

Мои воспоминания из далёкого советского детства: каникулы в деревне, деревянный клуб, где по выходным крутили кино, давали концерты художественной самодеятельности, устраивали танцы для молодёжи под баян. Народу — не протолкнуться! Жизнь кипела.

Прошло время. В обществе изменились ценности, сформировалась новая картина мира. Каждый год, отдыхая в Саянском районе, в Усть-Анже, теперь уже со своими детьми, я вижу: деревня не умерла, всё так же стоит в устье двух красивых рек. Хотя начальную школу (то, чем держится любая деревня) давно закрыли, есть три торговые точки, фельдшерско-акушерский пункт.

На месте и знакомый с детства, отремонтированный, подкрашенный оплот культуры. Год назад приуныли усть-анжинцы — уволилась завклубом, переехала в город. Не стало ни праздников, ни детских спектаклей, ни концертов... А ведь здесь немало молодёжи, живут несколько многодетных семей, да из города отправляют сюда детей на лето. Куда ещё ребята не пойти, если не в клуб? К счастью, нашли замену: Людмила САВЕЛЬЕВА — сама многодетная мама, привыкла жить на земле и в город уезжать не собирается. Жизнь в клубе снова за бурлила. Может быть, ещё и потому, что в глубинке нет Интернета, а телевизор нормально показывает только одну программу? Кино, правда, уже не привозят, а вот праздники проводят, как и раньше. В клубе можно почитать свежие газеты или взять домой книги из библиотеки. Молодёжь тусит по выходным, танцует...

Если в 20-х годах прошлого века первые рабочие клубы и избы-читальни в Сибири были центрами культурно-просветительной работы и ликвидации неграмотности, то какую функцию клубные учреждения выполняют сейчас?

Известно, что клубы начала XX века создавали на средства земств, организаций городского самоуправления, обществ грамотности и частных

ДК им. 30-летия ВЛКСМ

лиц. В них находились библиотека с читальней, театральнo-лекционный зал, воскресная школа, чайная, книжоторговая лавка.

Сегодня, согласно регламенту, клубные учреждения культуры должны формировать духовно-нравственные ценности, сохранять и популяризировать духовное культурное наследие, обеспечивать доступ населения к любительской творческой деятельности (художественной, технической, научной), организовывать межличностное общение по интересам и полноценный отдых работающего и учащегося населения... Как же обстоит дело на самом деле?

ДК: взгляд изнутри

— Организованные в далёкие советские времена дома и дворцы культуры существуют и поныне не благодаря некой инерции, как кажется многим. Они по-прежнему являются достаточно серьёзными культурными учреждениями, — считает культработник со стажем, режиссёр левобережного ГорДК Красноярска Александр ФИЛЬКО. — И в наши дни, во-первых, ДК — хранители самодеятельной народной культуры, особенно на селе. А во-вторых, это точки культурного и социального притяжения жителей тех микрорайонов, где они находятся. Да, на первый взгляд кажется, что это только место для кружковой работы среди детей и пенсионеров. Но ДК выполняют не только развлекательную, но и культурно-просветительную, и образовательную функции.

К сожалению, можно уже сейчас сказать, что начавшийся несколько лет назад процесс коммерциализации Дворцов культуры привёл к негативным результатам. Сократилось количество некоммерческих творческих объединений, наблюдается отток опытных педагогов на «вольные хлеба», многие руководители для сохранения своих коллективов вынуждены заменять индивидуальную творческую работу количеством набираемых детей. Таким образом, в ДК остаются, в основном, только вокальные и хореографические направления, уходит оригинальный жанр (нечто среднее между театральной постановкой, цирковым номером и эстрадным шоу), художественное творчество, самодеятельные театры, кружки технического творчества. То, что осталось, существует благодаря энтузиазму педагогов и так называемому социальному заказу местных администраций.

Ещё одно слабое место современных ДК — низкая подготовленность кадров. Как правило, в таких учреждениях работают женщины предпенсионного возраста, давно не проходившие никаких курсов переподготовки, или молодёжь с очень слабой базой (либо профильное училище, либо высшее образование в заочной форме). Наиболее талантливые молодые кадры надолго не задерживаются —

уходят в коммерцию, где заработная плата не в пример выше. Допустим, мне, для того чтобы получить сумму своей месячной зарплаты в ДК, достаточно провести три свадьбы или корпоратива, или написать два больших сценария (а зарплата у меня, по меркам нашего учреждения, достойная). Если бы кадровая работа была более продуманной, Дворцы культуры вновь бы заняли своё высокое положение в сфере народного творчества.

Президентские показатели

В связи с Указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики», сегодня все учреждения культуры руководствуются так называемой дорожной картой. Это план мероприятий и изменений, направленных на повышение эффективности работы и на поэтапное увеличение заработной платы в сфере культуры.

Существуют и показатели эффективности, когда, например, количество платных услуг с каждым годом должно увеличиваться. В советское время тоже существовали показатели кружковой работы, ведь каждый ДК был рассчитан на определённое количество населения. После перестройки число культмассовых мероприятий резко сократилось, и сейчас эти самые «президентские показатели», видимо, для того и нужны, чтобы поднять уровень работы с населением и повысить привлекательность профессий в сфере культуры.

— Посмотрите, что произошло в краевом центре в середине 90-х, — вспоминает Александр Филько. — Из общей когорты выделились все ДК,

принадлежавшие предприятиям. Правда, и некоторые ведомственные учреждения были переданы на баланс муниципалитету, как, например, бывший ДК автомобилистов (сейчас ДК «Кировский»). Про ДК комбайнстроителей и ДК КрасТЭЦ можно вообще забыть — они уже давно не выполняют своих основных функций.

— Ради любопытства побывала на днях в ДК комбайнстроителей. Он либо используется как торговый центр, либо сдаёт площади в аренду целителям, экстрасенсам, представителям религиозных обществ и т.п.

— Надо же выживать, раз государство сказала: «Ребята, хотите — живите, не хотите — уходите...». Ещё держится на плаву ДК КраАЗа, занимаются там, в основном, банкетам. Хорошо работает бывший ДК «Красцветмет» (теперь это Центр культурных инициатив), уже много лет это учреждение возглавляет очень опытный руководитель Сергей САВОСЬКИН, заслуженный работник культуры РФ.

— А почему вы сказали «выделились из когорты»? Разве раньше ведомственные ДК работали и на общегородские задачи?

— Во времена СССР существовал совместный план работы ведомственных учреждений культуры, управления образования района, в котором они находились, и районного управления культуры. Подписывалось тройственное соглашение — так называемый социальный заказ. Я это знаю, потому что в те годы преподавал в школе и часто приходилось сотрудничать с ДК им. 30-летия ВЛКСМ (ДК «Красцветмет») и ДК им. 1 Мая. Могу сказать, что работа была очень планомерная, результаты отслеживались на уровне администрации района, и все плановые показатели соблюдались.

Почём «фунт» культуры?

Левобережный ГорДК, где работает мой собеседник Александр Филько, через дорогу от моего дома. В прошлом году мы с сыном-третьеклассником решили «окультуриться» на пару, тем более место, где это можно сделать, в шаговой доступности. Выяснилось, что из бесплатных услуг — только хор для пенсионеров, детская изостудия и кружок, где учат вышивать шёлковыми лентами и делать картины из валяной шерсти. Ничего из вышеперечисленного нам не подошло. Мы хотели

комментарий

Директор Государственного центра народного творчества Красноярского края Татьяна ШАТЕРНИКОВА уверяет, что и у крупных ДК, и у самых маленьких сельских клубов есть возможность получить финансовую поддержку от краевого министерства культуры. Например, проводится конкурс на предоставление субсидии детским клубным формированиям в рамках государственной программы Красноярского края «Развитие культуры» на 2014-2016 гг., уже не один год проходит конкурс «Вдохновение» на лучшее учреждение культуры города, района, села, конкурс социокультурных проектов и другие. Поступает помощь и из федерального бюджета. Одним из интересных проектов в нашем крае является Международный фестиваль этнической музыки и ремёсел «Мир Сибири» в Шушенском, который на протяжении нескольких лет поддерживается федеральной целевой программой. На уровне Федерации также проводятся конкурсы на получение денежного поощрения лучшим учреждению культуры, лучшему работнику учреждения культуры сельских поселений.

— Одна из самых острых проблем сельских клубов — дефицит квалифицированных кадров, — констатирует Татьяна Владимировна. — Поэтому даже работники, которым за 50, стараются получить профильное образование. Мы, будучи методическим центром, делаем всё возможное, чтобы помочь нашим коллегам решить эту проблему: проводим семинары, мастер-классы, организуем выезды в территории специалистов — хореографов, хормейстеров, методистов. С 2013 года реализуется проект «Культурное шефство», который направлен на выявление и поддержку активных и талантливых специалистов небольших сельских клубов. Многие районы предоставляют ценным специалистам квартиры и различные льготы — только бы приехали...

А в Год культуры пожелала бы себе и своим коллегам «по цеху» только одного — чтобы образованная, талантливая молодёжь оставалась работать по специальности в сфере культуры. Нам нужна преемственность поколений и смелая творческая мысль!

ДОСТУПНОЙ КУЛЬТУРЫ

научиться лепить из глины, но на вахте сообщили, что таких услуг в ДК сейчас нет. Ладно, решили попробовать платный кружок по бисероплетению. Стоимость одного занятия с человека — 250 рублей. Длится урок два часа без перерыва. Тяжеловато даже для взрослого, но всё лучше, чем пялиться в компьютер, да и мелкую моторику полезно развивать. Попытка — не пытка, пошли. Поход обошёлся нам в 500 рублей. Но скажу честно, конца занятия мы не дождались — ребёнок устал, да и плетение из бисера его не увлекло.

«Платные услуги в левобережном ГорДК составляют 40,7%. Двери его открыты для всех категорий граждан. Например, среди людей с ограниченными возможностями пользуются спросом хоровое пение, изобразительное искусство и декоративно-прикладное творчество» (Лада Богряцова, заместитель директора ГорДК).

Щепетильная тема

— Сейчас наш ДК на капитальном ремонте, поэтому количество клубных объединений ограничено — это неизбежный процесс. Но зато после ремонта, если будет социальный заказ, сможем более тесно работать с любыми категориями граждан в более комфортных условиях, — поясняет Александр Филько. — Помню, в Сосновоборском городском Доме культуры «Мечта» даже существовала отдельная программа по работе с инвалидами и малообеспеченными людьми. По сути, такая программа должна присутствовать в каждом учреждении культуры, ведь обеспечить конституционное право инвалидов на доступ к высококачественным культурным услугам — наш святой долг.

— В краевом Дворце Труда и Согласия создан центр для людей с ограниченными возможностями здоровья. Там занимаются со всеми возрастными категориями инвалидов. Но такой культурно-социальный комплекс — один на весь город...

— По большому счёту, именно от социальных учреждений должна исходить инициатива, потому что, в большинстве своём, они не имеют собственных площадей и должны организовать работу районных ДК таким образом, чтобы инвалиды не чувствовали себя в чём-то ущемлёнными. Если существует такая потребность — нужен тандем! И внимание людям с ограниченными возможностями надо оказывать не только в декаду инвалидов, приводя их на концерт (для галочки), а постоянно. Мы готовы выполнить такой социальный заказ. Жаль только, что в ходе капитального ремонта, который завершится предположительно в сентябре 2014 года, так и не появится в нашем учреждении лифт до третьего этажа.

Вызовы времени

— В последние годы наметились противоречивые тенденции, от которых напрямую зависит развитие нашего учреждения, — продолжает тему заместитель директора левобережного ГорДК Лада БОГРЯЦОВА. — Наблю-

дается ежегодный стабильный рост альтернативных учреждений (торгово-развлекательных центров, кинокомплексов, ресторанов, кафе, ночных клубов и др.). Они предоставляют населению широкий спектр культурно-досуговых услуг, но, как правило, выполняют развлекательные функции, а не развивающие.

В Октябрьском районе существует мощная сеть муниципальных учреждений культуры. Чтобы выдержать растущую конкуренцию, мы обслуживаем население на выезде, привлекаем творческую интеллигенцию (в том числе, представителей молодёжи) к руководству культурно-просветительскими объединениями, клубами по интересам. Пытаемся создать условия для семейного творчества, для выявления и продвижения молодых дарований.

В недалёкой перспективе планируем внедрить современные социально-культурные, информационные, коммуникативные, арт-, медиа- и

Путь к ДК им. 1 Мая

другие технологии. Да и близлежащую к ДК территорию хотелось бы облагородить с точки зрения ландшафтного дизайна, с включением скульптурных и архитектурных зон. Чтобы даже случайные прохожие понимали — здесь живёт Культура.

Независимое мнение

— Наш Дворец открыт для всех красноярцев, другое дело, что, когда речь идёт о платных услугах, то работники Красноярской железной дороги и члены их семей пользуются льготами, — делится методист и режиссёр ДК железнодорожников Дмитрий ОРЛОВ. — Если говорить о творческих находках в плане режиссуры и проведения мероприятий, использования медиа- и шоу-технологий, то у нас вполне современный подход, хорошее техническое оснащение. А вот КУДА нам идти и ЧТО нести — это, действительно, вопрос, который требует и государственного регулирования, хотя закон о культуре так до сих пор и не принят.

Я понимаю важность праздников 9 Мая, 1 Сентября, Нового года, необходимость передачи и сохранения традиции календарных народных обрядов, понимаю важность праздника вообще (как психологического состояния, отличного от обычного ежедневного бытия) для человека. Но не приемлю формы, в которые иногда выливаются мероприятия во Дворцах культуры, посвящённые этим событиям. К примеру, не могу смириться с тем, когда, согласно фантазии режиссёра-сценариста, традиционные народные сказочные персонажи попадают в ситуации, переплетающиеся с нашим современным субкультурным бытием. К примеру, начинают читать

рэп или танцевать хип-хоп, и это сценическое решение происходит в угоду массовому спросу молодёжи. Помоему, Дворцы культуры обязательно должны нести просветительскую и сберегающую народные корни функцию. Мне кажется, что мои коллеги по сцене не имеют права опускаться до уровня толпы, а наоборот — должны поднимать до своего уровня тех, кто пришёл в ДК.

В городском интерьере (взгляд горожанина)

— ДК «Кировский» и кинотеатр «Мечта» — едва ли не единственные заведения, где дети нашего района могут встретиться с культурой (мероприятия «Каменки», то есть молодёжного ДК, для нас ещё рановаты), — делится живущая на улице Шорса мать двоих детей Екатерина СИМАКОВА. — Что можно сказать про «Кировский»? В принципе, выглядит он неплохо (несколько лет назад фасад был отрестав-

Тем более что лошадей жители расположенного неподалёку посёлка Водников держат, и это, наверное, мог бы быть даже прибыльный бизнес. Но, боюсь, пока мечта осуществится, дети вырастут, а мы состаримся.

«Кому живётся весело...»

Теперь перенесёмся в... Назаровский район. В селе Красная поляна проживает порядка 2700 человек. Татьяна МОХНАТКИНА — директор МУК «Краснополянская централизованная клубная система». В эту систему входят клубы четырёх деревень. У всех одна общая проблема — звуковая аппаратура устарела, выработала свой ресурс, нужны спецэффекты, чтобы привлечь на дискотеки молодёжь. В настоящее время клубы ремонтируют, обновляют.

Визитная карточка краснополянцев — народный фольклорный ансамбль «Причулымье». Он гастролирует по району, участвует в фестивалях. Сейчас коллектив готовится к поездке в Новосибирск на фестиваль «Играй гармонь!». В Красной поляне регулярно проходят вечера «Любовь с первого взгляда», приглашают юношей из одной деревни, а девушек — из другой. Из краснополянского Дома культуры дети не уходят допоздна. Кто в бильярд играет, кто в теннис, девочки занимаются бисероплетением, а мальчишки — моделированием, есть кружок, где учат игре на гитаре. Предмет гордости сельчан — местный клуб КВН. Все услуги для детей и взрослых — бесплатные (исключение — заказные концерты и корпоративы).

Село Дорохово (более 1000 человек). Дороховскую централизованную клубную систему возглавляет Ирина ПОТЕХИНА. «Недавно капитально отремонтировали зрительный зал, закупили новые мягкие театральные кресла, — с гордостью говорит директор. — В фойе ДК установили пластиковые окна, обновили пол. Регулярно отмечаем все календарные праздники, а новое в нашей работе — познавательные квесты для детей. Недавно спонсор этой игры магазин «Татьяна» подарил победителям огромный торт. Вот было радости! Кружков у нас море. За декоративно-прикладное направление отвечает рукодельница Татьяна Васильевна ЦЫГАНОВА. С ней ребята учатся росписи по батику, создают панно из сухоцветов, делают триптихи... Целый калейдоскоп рукоделий предлагаем и взрослым: вязание, вышивка, бисероплетение и разные новые технологии.

В клуб приходят семьями. Например, мама идёт на танцевальный кружок, а дочь в это время — на рисование или учится вокалу. Кстати, у нас две вокальные группы: «Подружки» — для девушек, и «Подружки+» — для школьниц. Периодически на «Клубной завалинке» собираются на посиделки участники художественной самодеятельности. Вместе отмечаем праздники, вспоминаем народные традиции, чествуем именинников... Мечтаем обустроить перед зданием ДК площадку для массовых народных гуляний и обновить аппаратуру. Так что Год культуры — наш год!».

Кому больше повезло? Городу или деревне? Конечно, пример назаровцев — не показателен. В одном из районов края, чтобы достойно отметить 90-летие родного села, работники сельсовета и местного клуба сбросились по 100 рублей на то, чтобы обновить концертные костюмы для самодеятельных артистов. И всё равно люди не теряют оптимизма, живут надеждой, независимо от того, какой год на дворе.

Вера КИРИЧЕНКО

Владимир Семёнович ВАСИЛЕНКО, красноярский журналист, педагог и культуртрегер (как он сам себя называет) сегодня пребывает в статусе «священного монстра» — человека непререкаемого авторитета. Как ему удалось этого добиться? Всё гениальное просто: Василенко обращает пристальное внимание на факты и явления, которые игнорирует большинство. И лишь спустя годы выясняется, что эти мелочи и составляют тот самый «дух времени». Проще говоря, Владимир Семёнович обладает редким даром — он видит, как сплетаются нити истории прямо сейчас, ещё не оформившись в ткань бытия. Он знает, как и из чего возникает то, что принято называть культурой.

Ну, и ещё одно. Поговорить с культурным человеком всегда приятно. А Василенко в этом деле вне конкуренции.

— Для начала надо определиться, что такое культура. Это самое главное, и с этого я начал свою книгу «Культура повседневности». Потому что очень многие путают культуру и искусство и считают, что если в городе есть библиотека, оперный театр, симфонический оркестр, значит, этот город культурный. Ничего подобного. Что с того, что ГИТЛЕР в начале жизни пытался стать художником, а под конец жизни обожал ВАГНЕРА, он что, от этого перестал быть людоедом? А знаете ли вы, что СТАЛИН, при его очень невеликой образованности — он был недочувствующим семинаристом и очень страдал от этого, — стремился восполнить недостаток культуры бесконечным и безудержным чтением? Он читал все книжные новинки, в том числе, нечеловеческие «опупеи», которые писали все эти лауреаты вроде БАБАЕВСКОГО и ПАВЛЕНКО. Всё, что выдвигалось на Сталинскую премию, он считал своим долгом прочитать! И он перестал от этого быть людоедом?

— Для России обычное дело — двигать культуру в массы волевым решением. Вы как-то с этим сталкивались?

— В 1975 году я приехал в Красноярск. И через 2-3 года началось движение «Превратим Сибирь в край высокой культуры». Что предполагалось под высокой культурой, было ясно сразу: мы построим и откроем театр оперы и балета, создадим институт искусств, симфонический оркестр, концертный зал, и завтра у нас будут чистые дворы и культурные милиционеры. Эти заблуждения живы до сих пор. Я прекрасно знаю множество начитанных хамов, и вы наверняка знаете. Как и наоборот. Однажды в командировке, по случаю ремонта в местной гостинице, я был помещён на постой к одной бабушке. Мы с ней сидели, пили самогон — бабушка такая чистенькая, аккуратная, думающая, — и я ей начал рассказывать про свою маму, которая каждый вечер читала «Анну Каренину» или «Крошку Доррит». Спрашиваю у старушки: «Марфа Петровна, вы читали «Анну Каренину»?» — «Нет, не читала». Сидим, нас никто не торопит, я ей рассказываю сюжет, и вдруг выясняется, что он её зацепил...

— Ну, да, он ведь очень жизненный.

«Мы создадим симфонический оркестр, и завтра у нас будут чистые дворы и культурные милиционеры. Это заблуждение!»

— Семейная история! Есть муж, есть любовник. Спрашивает: «Чё ж — она не могла с ним развестись?». Я говорю: «Марфа Петровна, во-первых, я не уверен, что Вронский так уж сильно был заинтересован в том, чтобы на ней жениться, во-вторых, брак в ту пору был церковным...»

Я, кстати, не знаю, во времена Анны Карениной был гражданский брак?

— Нет, он возник только после революции. А до этого всё регистрировалось в церковных книгах.

— То есть церковный развод был запрещён как таковой?

— Развод давался, и по многим причинам, в том числе, если супруг не мог иметь детей, продолжать супружеские отношения. Ну и, естественно, если была доказана измена.

— Но самое главное, какой отрицательный резонанс это имело бы в обществе! Марфа Петровна так и сказала: «Что ж это было за общество такое хреновое, если в нём нормального развода между не любящими друг друга супругами быть не может?». Деревенская бабушка выявила гнилую сущность царского общества из частного случая невозможности развода Анны Карениной с мужем. Она была культурная женщина, и я это чувствовал, потому что в её суждениях было очень чёткое понимание того, что хорошо и что плохо, что нравственно, что безнравственно, как можно делать и как нельзя, как по-людски и как не по-людски. Так что культура может быть присуща человеку, который ни разу в жизни не был в опере и не читал «Анну Каренину». Она есть в душе.

— Иногда культуру путают с интеллигентностью.

— Да-да. А начитанность, насмотренность, наслушанность — это не есть культура! И это наивное представление о том, что раз ты послушал БЕТХОВЕНА, ты не будешь делать гадости... Что за глупости? Не существует у искусства прямого действия. И ЧАЙКОВСКИЙ, и Лев ТОЛСТОЙ, и ШЕКСПИР как-то влияют на человека, но не сразу и не впрямую. Вот о чём речь.

— У культуры много определенных. Например, культура — это навыки и умения человечества плюс духовные достижения.

— Плюс к этому чёткое представление о том, как ты будешь относиться к другому человеку, будешь ли ты ему затыкать рот, будешь ли ты кричать «Заткнись, дура!» или скажешь «Дорогая, мне кажется, ты не права».

— Расписанный глиняный горшок тоже относится к культуре.

— Конечно, более того, в прошлом году в дополнение к «Культуре повседневности» у меня появился новый курс — «История повседневности». Это страшно интересный предмет. Где-то в 80-е годы XX века французская школа социологов, антропологов и психологов под названием «Анналы» разработала концепцию истории повседневности. Они исходили из того, что люди воспринимают историю как историю грандиозных сражений, великих географических открытий, смены королевских династий и т.д. Какие-то глобальные события. Но ведь не менее интересно то, как в эпоху того же Людовика XIV были устроены общественные сортиры? Что ели люди при Карле XII? На чём они передвигались, как были устроены их жилища?..

«Анналы» создали целое направление. Причём по этой дисциплине — «История повседневности» — начиная с конца 80-х годов прошлого века проводятся международные конференции, издаются книги, пишутся диссертации, курс «История повседневности» читается в Сорбонне. Кстати, вам вопрос на засыпку, с него я начинаю курс «История повседневности», и чтобы ответить на него, ничего читать не нужно: что человечество придумало раньше — ложку или вилку? И почему?

— Я думаю, вилку. Потому что ей можно не только есть, но и переносить куски, фиксировать еду, в общем, предмет универсальный.

— Правильный ответ находится вот в какой плоскости. Сначала человек вёл кочевой образ жизни, а это значит — охота и собирательство. Вот вы убили кабана и зажарили его на костре. Оторвали кусок мяса. В руках держать горячо, поэтому насадили его на палку. Но это неудобно — кусок на ней крутится. Поэтому первая вилка была двузубой рогаткой. Ложка же появилась, когда человек перешёл к оседлому образу жизни, стал собирать урожай, придумал посуду и начал варить похлёбку, которую можно было либо пить через край, либо чем-то черпать. Тогда появилась ложка.

И так во всём. Есть отдельная история костюма. История обуви — я с большим интересом смотрел передачу Ренаты ЛИТВИНОВОЙ, которая рассказывала как раз об истории обуви.

У Юрия Михайловича ЛОТМАНА есть замечательный комментарий к «Евгению Онегину», и отдельная глава в этом комментарии следующая: «История дворянского быта онегинской поры». На чём люди ездили, как была устроена загородная усадьба, как устроен был столичный дом, балы, дуэли и так далее. Потрясающий текст.

— Как вы считаете, изменилась ли культура с появлением Интернета?

— Хуже всего во взаимоотношениях человека и Интернета обстоит дело с запоминанием чего-то такого, что должно быть в голове у человека всегда, а сейчас вдруг выясняется, что... Вы знаете, сколько будет семью восемь?

— Пятьдесят шесть.

— Молодой человек 9-10 лет не скажет, сколько будет семью восемь, он достанет калькулятор и умножит. Зачем запоминать, если можно посмотреть? Я знаю стихотворения ВЕРЛЕНА наизусть, Дмитрий БЫКОВ как-то упомянул, что он знает наизусть около тысячи стихов, и не потому, что ему задавали и приказывали, они сами запомнились.

— Писатель Дмитрий Быков родился в 60-х, это поколение, которое ещё учило стихи. Сейчас дети, родившиеся в 90-х (у меня сын такой), стихов не знают и не увлекаются ими.

— Они ничего не знают. Скажите ему «Зима!.. Крестьянин, торжествуя...», он не будет знать, как продолжить.

— Думаю, не всё так печально, и найдутся единицы, которые продолжат. Но это, очевидно, будут дети гуманитариев.

— И это исключение, согласитесь.

— Кроме того, в Интернете много энтропийного виртуального общения и совершенно ненужной информации. Как вы на это смотрите?

— Отрицательно, естественно. Умение фильтровать базар, что называется, приходит к человеку с возрастом, а в детстве вот эта информационная волна, конечно, может сильно сбить с толку. Культура устного общения сейчас очень деградировала.

— Случались ли с вами ситуации, когда вы не могли понять, о чём говорят подростки?

— Бывало. Бывают ещё моменты, когда я совершенно не могу понять, откуда что берётся. Например, с какой стати вдруг молодые люди стали ходить в кедах? Кеды нездоровая обувь, ноги потеют и так далее, но все, тем не менее, ходят в кедах.

— Людовик-Солнце тоже ходил в неудобных жарких париках, как и его дворяне.

— Получается, идёт возврат к не рациональному, но принятому, модному и т.д. Потом вы, наверное, заметили странную манеру все рубахи носить навывпуск. Не только те, что для этого предназначены, но вообще — все. И ладно это был бы молодой человек, но пузатый дядька...

— Мода никогда не была рациональной, мне кажется. Но вот если говорить о лексике — есть же такая, которую представители

старшего поколения совершенно не понимают.

— За языком я слежу, в том числе, и за слэнгом. Есть такая замечательная книжка «Язык на грани нервного срыва» Максима КРОНГАУЗА. И ещё «Нулевые на кончике языка» Гасана ГУСЕЙНОВА. По этим книгам можно проследить эволюцию языка и быть хотя бы примерно в курсе.

Я сам прекрасно помню 60-е годы, когда появились все эти «чувак», «чувиха», и думаю, переживать по поводу новых явлений, по меньшей мере, глупо.

— Станет ли культура общемировой в век глобализации?

— Я к такому понятию, как глобализация отношусь очень положительно. Это означает, что во всех концах земного шара принята некая система ценностей, хотя бы в области материального производства. Допустим, где-нибудь в Джакарте человек чистит зубы с помощью пасты «Колгейт», и в Париже чистит, и в Москве. И ничего худого я в этом не нахожу, потому что коллективными усилиями фармацевтов, стоматологов и так далее выработана такая формула этой зубной пасты, которая устраивает и индонезийца, и француза. Или система закусочных «Макдональдс». Скажите, что вы имеете против неё? Что может быть более здорового, чем кусок хлеба и кусок мяса? Тем более, если ты куда-то торопишься, и тебе надо перекусить.

— Против «Макдональдса» я ничего не имею, но сама бы туда ходить не стала. Во-первых, там не мясо, а жаренные котлеты, во-вторых, домашняя еда мне кажется вкуснее. С материальной культурой понятно, но ведь идёт слом ценностей. Например, краеугольный камень протестантской этики — усердный труд и соответствующее вознаграждение. Сейчас же много людей практикуют дауншифтинг — отказ от любых целей и растительное существование.

— Если бы целые страны и континенты культивировали умение довольствоваться малым, это одно. Но если возникает страна, в которой настаивают на том, что все должны быть одинаково нищими, как в Северной Корее, то это мне явно не нравится. Это гримаса. Самое замечательное состоит в том, что даже в Северной Корее, которая на весь мир декларирует идеи равенства, есть свои богатые. Ким Чен Ир пил французские вина и ни в чём себе не отказывал. А началось всё с Ким Ир Сена, который настаивал на том, что у нас здоровая бедность, что все равны. На самом деле, ничего подобного! Всё лицемерие.

— Как вы относитесь к такому утверждению, что во все времена в любой стране существовали две культуры: культура для элиты

и массовая культура? Последнюю, кстати, и за культуру-то не всегда признают.

— Если мы будем сводить культуру к искусству, то давайте разберёмся на примере музыки. Вот считается, что высокая культура — это опера, симфония, кантата. А низкий жанр — это попса. Но знаете ли вы, что это деление существовало всегда? И более того, даже в творчестве одного и того же композитора были произведения высокого и низкого жанра. Если мы возьмём такое понятие, как шлягер, то почему мы всё время настаиваем на том, что шлягер — это непременно какая-то народная танцевальная вещь. Давайте перечислять великие шлягеры человечества. «Танец маленьких лебедей» из балета «Лебединое озеро», «Полонез Огинского», «Соловей» АЛЯБЬЕВА, «Танец с саблями» ХАЧАТУРЯНА, который является частью балета «Гаяне». Повсеместно распространённым является «Чардаш» МОНТИ, «Лебедь» СЕН-САНСА. Это и есть, грубо говоря, шлягеры. В то время, когда в России был расцвет величайшего симфонизма, — ЧАЙКОВСКИЙ, БОРОДИН, РИМСКИЙ-КОРСАКОВ, ТАНЕЕВ, — народ сидел по кабакам и пел какие-нибудь «Кирпичики» или «По приютам у с детства скитался».

— Так вы отрицаете «Кирпичикам» в культуре?

— Нет, это так называемая низовая культура. И противопоставлять её высокой культуре, тому же Чайковскому, довольно глупо. Потому что даже у БАХА есть такая сюита, называется «Шутка», и под неё танцевали. Нужна музыка для отдыха, для релаксации, для расслабления, для танцев. А вообще предствление о том, будто в истории музыки были некие высокие недостижимые образцы, довольно странно и условно. Например, знаете ли вы, что Антонио ВИВАЛЬДИ написал 227 концертов для скрипки с оркестром? Он был придворным композитором, и тогда не существовало такого порядка, когда одна и та же музыка исполняется перед разной публикой. Системы гастролей, проката и концертирования не существовало. Слушателями музыки Вивальди всё время были одни и те же люди. Он служил при дворе у князя Мантуи. Проходила неделя, его спрашивали: «Господин Вивальди, а что у вас новенького?». Он говорил: «Подождите до пятницы», сажился и писал новый концерт. Причём часто бывало так — и многие музыковеды это заметили, — что в концерте, допустим, № 182, почти целиком звучит часть из концерта № 145. Потому что он помнил, как концерт № 145 был принят публикой, и что эта часть вызвала аплодисменты, и так далее. И думал: «Ну, а на черта трудиться, когда есть такая замечательная часть?».

— В связи с дефляцией заимствовал сам у себя...

— Да, переносил удачный кусок, но обрамление было уже другое. Чисто капиталистический способ постоянного обновления репертуара родился не сегодня. Кстати, это зависит не только от времени, но ещё и от места. Есть два типа подхода к искусству — восточный и западный. Западный способ производства произведений искусства и их восприятие рассчитан на постоянное создание чего-то нового. Романиста спрашивают: «Над чем вы сейчас работаете, что там ваш новый роман?». У композитора: «Какую новую симфонию вы написали?». Восточный способ восприятия искусства, распространённый в Индии, Японии и так далее, основан на бесконечном всматривании в одно и то же. ХОКУСАЙ, как вам известно, написал 136 видов горы Фудзияма. Например, «Фудзи 25 марта такого-то

Из книги
В.С. Василенко
«Культура
повседневности»:

«Я убеждён: крайности одинаково неудобны для объективного рассмотрения. Но вот парадокс — крайность тотального безденежья анализируется куда чаще и охотнее, чем крайность «бешеных денег». Мы часто думаем, как прожить на мизерные доходы, при этом вопрос «как потратить миллион» считается самоочевидным. Так ли это? И существуют ли в бесконечной череде культурологических проблем (а здесь рассматривались «культура вождения автомобиля», «культура пользования мобильным телефоном», «культура застолья» и многие другие) такая проблема, как «культура обращения с деньгами»? В самом ли деле всё так просто — «дайте мне миллион, а уж я найду, куда его потратить?»

«Антитабачная истерия, усиленно нагнетаемая Минздравом во множестве СМИ, при всём благородстве исходного посыла (курение и в самом деле вредит здоровью) всё-таки чем-то сильно смущает. Возможно, азартно и интенсивностью. Возможно, сомнительностью некоторых методов и аргументов. В самом деле, сравните делкатное «Минздрав предупреждает — курение вредит вашему здоровью» с беспелляционным, как удар промеж глаз: «Курение убивает». Такое мы видим только на высоковольтных столбах: «Не влезай — убьёт!». Там это действует, потому как сила тока понятна и сиюминутно безусловна для всех, кроме малолетних несмышлёнышек да великовозрастных идиотов. Между тем смертоносность никотина отнюдь не сиюминутна, а к грозным надписям на сигаретной пачке курильщики относятся примерно так же, как каждый из нас реагировал бы на этикетку топора в магазине хозяйственных товаров, если бы на ней было крупно написано: «Орудие убийства». То есть никак».

года». На каждом пейзаже другое солнце, другие облака, но гора Фудзи остаётся всё той же...

Индийская рага — бесконечная мелодия, исполняемая по классическому канону. В сущности, это одно и то же крупное музыкальное произведение, исполняемое по преимуществу инструментально. Был набор раг, которые исполняются только осенью или только зимой. Утренние и вечерние раги. Индийская классическая музыка до сих пор придерживается этого канона. Этот канон никому не кажется скучным, хотя вещи мелодически и интонационно одни и те же. Они их слушают бесконечно. Они вглядываются в одно и то же, всякий раз находя созвучие сегодняшнему настроению, и в этом есть некая их суть...

Елена НИКИТИНСКАЯ

ОТЗЫВ

Наталья Петровна КОПЦЕВА, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой культурологии Сибирского федерального университета:

— Владимир Семёнович Василенко — один из лучших преподавателей нашей кафедры. Его лекции слушают студенты таких новых и востребованных направлений, как «Культурология», «Искусство и гуманитарные науки (профиль — «Кино и видео)». Владимир Семёнович — известнейший в г. Красноярске журналист, его передачи о музыкальных произведениях на радио «Серебряный дождь» захватывают и познавательны.

Тот пласт культурных исследований, который он открывает нашим студентам и всем красноярцам, связан с одним из самых значимых открытий в гуманитарных и социальных науках XX–XXI вв. — переоценкой значения массовой культуры для истории человечества. Каков должен быть ответ на вопрос «Какие артефакты культуры оказали на человечество большее воздействие — элитарные, редкие или народные, массовые?». Простого ответа нет. Культура повседневности — это одно из самых перспективных направлений в современной культурологии. Здесь обыденность превращается в форпост человечности, а великое соседствует с малым.

В ближайшие годы именно в культурном повседневном пространстве будут происходить наиболее значимые изменения. Наши студенты прекрасно понимают это, поэтому занятия Владимира Семёновича Василенко пользуются неизменным успехом как у студентов 1 курса, так и у наших умудрённых выпускников.

Сибирь на тарелке

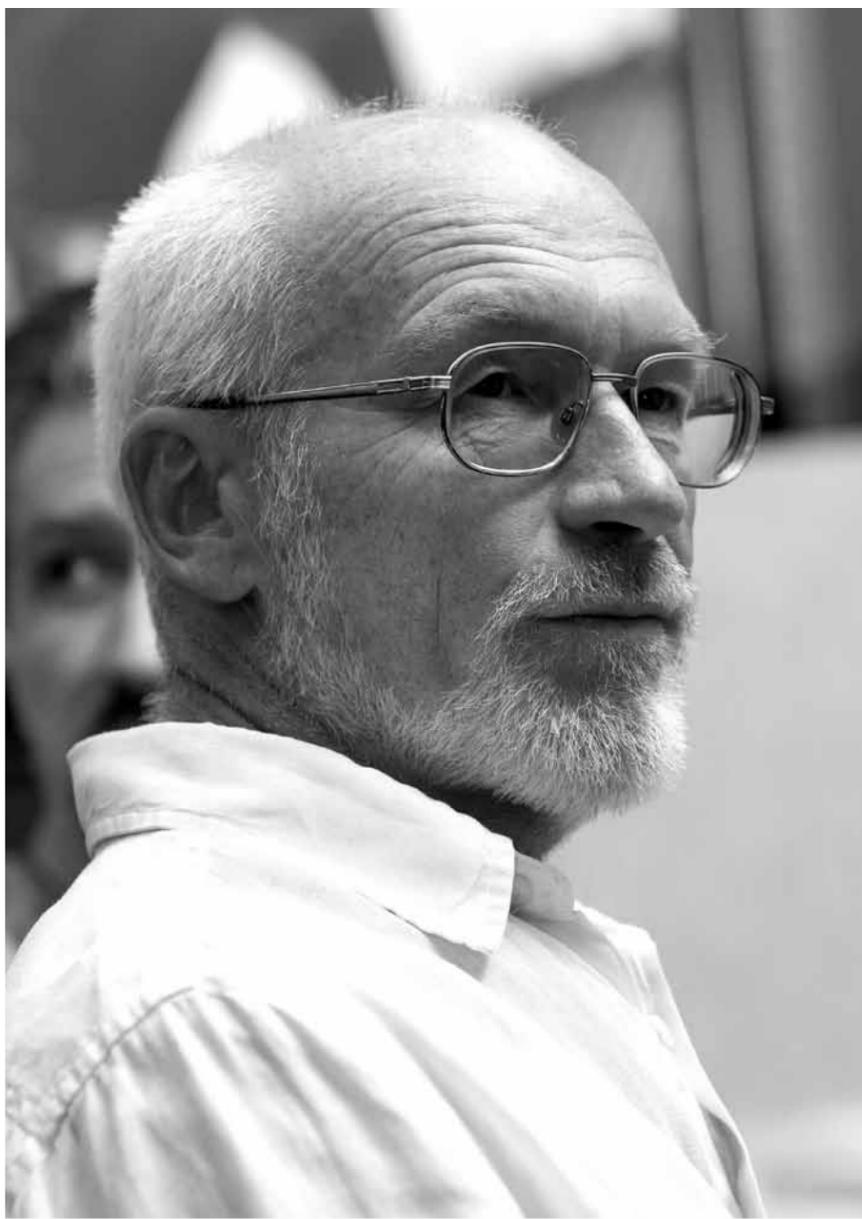
Едва ли мы, привыкшие к пасте, пицце и суши, что-то достоверно знаем и сможем рассказать о сибирских гастрономических традициях. Хотя кухня любого народа является важным и интересным элементом культуры. Об особенностях сибирской кухни мы поговорили с Игорем ШЕИНЫМ, учёным, гастрономом, винным экспертом и президентом Красноярского винного клуба, а также автором книг «Винокурение в Приенисейском крае: к истории Канского ликеро-водочного завода (1863-1924)» и «Сибирский парадный стол. XIX — начало XX в.». Вот с книги и начнём — как возникла идея их написать?

— Моя деятельность 22 года была тесно связана с биохимией как наукой, с теорией, практикой. Постоянно проводил эксперименты, работал со спиртами, экстрактами, ферментами. Другими словами, всегда занимался «кухней», «варил» «суп», в котором 150-200 ингредиентов. Ни одной хозяйке и шеф-повару такие «супы» по сложности даже не снились. Поэтому любой биохимик — кулинар, который может увидеть суть в том, что он готовит. Было бы желание. Вот и в «Сибирском парадном столе» по большей части нет конкретных прописей, как готовить то или иное блюдо, а есть объяснение его сути.

С другой стороны, работая в Академии наук, вёл тематические рубрики в разных газетах и журналах, посвящённые напиткам и гастрономии. Это было хобби, которое постепенно превращалось в работу, а как раз Академия — в хобби. Когда писал книгу «История винокурения в Приенисейском крае», понравилось сидеть в архивах и копаться в документах. Захватывающее занятие, если знаешь, что ищешь. Дальше — больше. Стал издавать общероссийский «Журнал питей», красноярский журнал «Винный обозреватель». Практика тоже была — Красноярский винный клуб, за столом которого проводились как ознакомительные, так и экспериментальные дегустации. Накопилось много материала, заметок, стал разрабатывать книгу «Пространство сибирского стола». И до сих пор работаю в этом направлении. Глава 12-я этой книги «раздулась» до таких размеров, что превратилась в отдельный «Парадный сибирский стол». Так что идеи не было, всё получилось само собой.

— Можно ли говорить о самостоятельности, уникальности сибирской кухни, или всё же она вышла из русской?

— И да, и нет. В Сибири было много переселенцев не только из России, но и из Украины, Прибалтики, других мест. Поэтому пришедшая в эти края кухня была в то время и не совсем русской, хотя для коренного сибиряка она оставалась исключительно таковой. А на самом деле частично прибалтийско-украинско-беларусско-немецко-русская кухня «села» на сибирскую кормовую базу. А это и прекрасная рыба (чего стоят только одни сиговые), и сибирское «песто» — толчёная черемша, и сибирские «каперсы» — недозревшие плоды

настурции, кедровые орехи и масло из них, дичь и пр. В силу продуктовой специфики она и превратилась, если хотите, в сибирскую кухню, вобрав в себя ещё и многие технологические и кулинарные приёмы коренных народов Сибири.

С точки зрения тунгуса, который до сих пор живёт на своей родине, сибирская кухня — это, прежде всего, его кухня, тунгусская, которая тоже изменилась под влиянием русских: в ней появились новые продукты и новые технологии обработки пищи. Так же и с эвенком. Если сибирскую кухню понимать как собирательную (а без этого с огромной территорией Сибири нам просто не обойтись), то она абсолютно уникальна. В мире не существует большей территории по разнообразию ландшафта и населения, покрытой одним понятием — сибирская кухня.

— В чём суть её «сибирскости»?

— Для одного это присутствие блюд-маркеров на столе: пельменей, нельмы, приготовленной на веточках, какого-нибудь «сугудая», «максы», «сеньки». Для другого — особые технологические приёмы приготовления пищи: рыба в ящике, суп в горшочке, стерлядь в хлебной тарелке. Если в русской кухне парадный стол всегда выступал квинтэссенцией «русскости», и в предметном, и в странственном отношении, — накрывали закусочный стол в одном помещении, обеденный — в другой зале, подавали лучшее, старались изо всех сил, первой переменной всегда был суп, хоть и французский, водка только под закуску и пр. В этом и была суть «русскости».

В Сибири немного другая ситуация. Та парадность, которая была

свойственна Европейской России, здесь проявлялась единично, в официозах высоких чиновников да в купеческих посиделках, просто так, из амбиций. Для большинства же населения парадность стола заключалась в его ритуальности. Тунгусы, например, убив медведя, «накрывали» парадный стол, в котором главным было — действие. У всех сибирских народов жизнь наполнена ритуальностью, связанной с пищей. Питание вне ритуальности — обыкновенное выживание. Через ритуальность есть надежда понять сибирскую кухню.

— А изучали вы сибирскую крестьянскую кухню? Ведь наверняка кухня в деревне сильно отличалась по меню и традициям от парадного стола.

— Эти вопросы очень хорошо разработаны современными авторами, много об этом написано в воспоминаниях, путевых заметках. Между крестьянским быденным столом и парадным разница колоссальная. У меня были попытки углубляться в эту тему. Прежде всего, меня интересует старовечерская кухня, в некоторых местах Сибири она выходит ещё из екатерининских времён. Однажды меня угостили ячменной запеканкой с рябчиком в сопровождении кваса. Мой опыт определил в напитке 8–9% алкоголя, при этом староверы алкоголь не употребляют, но дрожжи у них откровенно резистентны к высокому содержанию алкоголя.

Меня интересует кухня сельдюков — давних заселенцев берегов Енисея, но не виттевских и стольпинских переселенцев. Знаете, какая была первоначальная задача Института рыбного хозяйства, открытого в первые годы советской власти в Краснояре-

ске? Научить ловить и готовить рыбу местное население!

— Как вы считаете, предпочтения в пище определяют поведение и характер народа? Ведь не зря итальянцев называют «макаронниками», а французов «лягушатниками». В Сибири ели мясо таёжных животных и птиц, может, поэтому мы суровы и выносливы?

— Предпочтения в пище определяют поведение человека, а его характер определяет предпочтения. Например, сыроеды у нас в Сибири. Знаете, как можно отличить сыроеда издалека? У него почти всегда под носом капля. Пища должна быть под стать образу жизни, а образ жизни должен соответствовать твоим возможностям, и физическим, и социальным. Если ты гонишь зверя сутки по глубокому снегу, то макароны и лягушки тебе противопоказаны. В этой ситуации — постоянная защёчная «сосалка» из высушенной смеси творога и зелёного лука да «варенье» из ягод эфедры. Сибиряк всегда выбирал не то, что реально вкуснее, а то, что крупнее, отсюда сытнее, жирнее. Другими словами, для сибиряка глухарь всегда слаще, чем жаворонок, потому что его много, есть что поест. Вот вам и характер.

— Верны ли мысли биологов о том, что наш организм лучше принимает продукты, выращенные в той среде, где мы живём? Я читала, что аборигены сибирского Севера начинали болеть, когда в их рацион попадали привычные для горожанина продукты.

— Наш организм только и знает, что сосуществует с различными другими организмами: бактериями, грибами, паразитами внутри нас. Все эти «товарищи» живут в мире или войне не только с нашим организмом, но и со своими соседями, для нас полезными, вредными, иммунизирующими, отравляющими и т.д. В этой ситуации поведенческая тактика и стратегия любого тела сводится к тому, чтобы все эти «колонизаторы» хорошо себя чувствовали, не вредничали и не конфликтовали между собой, не пускали чужих. И вдруг в этой идеальной ситуации равновесия ваш друг привозит какой-нибудь хамон из Андалусии! И в вашу желудочную компанию микроорганизмов попадает огромное количество чужестранцев, которые тоже хотят быть колонизаторами. И тут такое начинается!

Однако сегодняшние проблемы питания лежат не только в этой области. К сожалению, в наш сплочённый желудочный коллектив внедряется синтетика в виде консерванта, а наш организм за всю свою долгую эволюционную историю такого не встречал. В коллективе паника — все аборигены умирают, почти все. Те же, кто остаётся, настолько ослаблены, что готовы сосуществовать, да и никто их об этом не спрашивает, хоть с патогенами.

То, что мы едим, влияет на наш организм. И да, нужно стараться, чтобы продукты питания произрастали там, где ты живёшь, с привычной для нас микрофлорой и микрофауной. Если взрослый эвенк из среды, в которой он жил, где ел сырое мясо и квашеную рыбу, гусей, которые у него две недели подгушивались, оказывается в другой среде, — его специфическая микрофлора нарушится, и он, возможно, не сможет адаптироваться.

— Какие сибирские блюда стали для вас открытием, удивили, а какие, возможно, разочаровали? И что из опыта приготовления сибирских блюд вы для себя взяли?

— Я открыл для себя, что наши прадеды и прапрадеды знали гораздо больше нас об окружающей среде, были более приспособлены к этой жизни, их миропонимание было сложнее. Я и раньше это подозревал, но когда начал готовить блюда 18-19 века, в этом убедился окончательно. Удивляло и удивляет всё. Много перепробовал.

Раньше был уверен, что кулики — это верх совершенства. Затем, когда готовил для книги «Сибирский парадный стол» дроздов, понял, что кулик во вкусовом отношении слабее дрозда. Но когда мы начали готовить овсянок и жаворонков, открыли, что эти птицы — лучшие. Эти эксперименты относятся исключительно к парадному столу, на обычном столе, конечно, жаворонков не было. Потому что в Сибири свинец был так же важен, как соль. Поэтому глухарь был предпочтительнее утки в силу того, что он крупнее. На него охотник потратит столько же свинца, сколько на утку, но утка весит в четыре раза меньше.

Чем отличается сибирский парадный стол XIX века от парадного стола сегодня? Если вы будете на банкете и вам подадут суп, вы удивитесь? Скорее, да. А вот раньше русская гастрономическая традиция не могла обойтись без супа. Сегодня эта традиция и её компоненты утрачены. Знаете ли вы, что такое суточные щи или что в классических русских супах никогда не использовалась картошка? А вы знаете, что когда суп варят, то крышку забывают? Самое сложное блюдо русской кухни, как и сибирской, — это похлёбка, потому что она многокомпонентная. Если мы сейчас думаем, что без картошки что-то не может состояться, то раньше суп не мог состояться минимум без трёх белых корней: корня сельдерея, петрушки и пастернака. А ещё был овсяный корень, в Сибири очень часто использовался, репка...

Что же касается разочарований — не понял смысла медвежьих лап, так же как и паштета из медвежьей печени. Не понимаю до сих пор квашеную рыбу, но здесь, скорее всего, всё упирается в какой-то секрет. Надеюсь, разгадать этот ребус в ближайшее время.

— На сложность и изысканность русской кухни повлиял пролетарский век? В своей книге вы скептически отзывались об «обжорных

рядах» XX века с пельменями и чебуреками.

— Да, русские гастрономические традиции XIX века стёрла революция. Но они были настолько сильными, что она их стирала долго. Это относится не только к гастрономии, но и к русскому балету, системе русских университетов, заложенных Александром II, Русской Академии наук. Сегодня со многим мы расстались навсегда. Про гастрономию такого не скажешь. Прослеживаются тенденции реставрации, но, конечно, не восстановления.

— Почему сегодня в моде кухни других стран — японской, итальянской, американской? Влияние Запада, или, может, эта кухня дешевле и доступнее сибирской?

— Что можно продвигать? То, что легко можно воспроизвести. Почему у нас так много итальянских ресторанов? Потому что рынок предлагает большое количество мучных изделий, разные соусы, твёрдые сыры, всё это хорошо сохраняется, доступно, дешево, вероятность отравления сведена до минимума. Такую кухню легко тиражировать.

Ещё более гениальна в этом отношении так называемая «японская» кухня в России, которая к японским гастрономическим традициям никакого отношения не имеет. В Красноярске идёт торговля рисом с наценкой в 2–3 тысячи процентов. В этой ситуации у владельцев подобных кафе и ресторанов есть большой финансовый резерв на рекламу «японской» еды.

Почему в городе мало хороших заведений с действительно сибирской кухней? Прежде всего, из-за логистики. Попробуйте организовать снабжение своего заведения сибирскими продуктами. Это отдельная сложная задача. Попробуйте приучить гостей вашего заведения к сезонности — тоже сложно.

— Но ведь есть мода на национальное в еде — можно на этой волне возродить традиции сибирской кухни?

— Полностью возродиться она не может, так как мы теряем много продуктов, которые раньше были основой многих блюд. Например, мы теряем рыбу в Енисее и автоматически — 40-60% сибирских блюд. А заменить енисейскую рыбу на сёмгу — это извращение. Технологии тоже будут теряться, да и сложно убедить человека попробовать истинно сибирские блюда. Поэтому сегодня многие заведения, заявляющие себя сибирской кухней, предлагают в основном блины, пельмени, икру и водку.

— А пельмени — это вообще сибирское блюдо? Находила информацию, что их китайцы изобрели.

— Никто ничего не изобретал, всё рождается неким общим развитием. В научной среде говорят: прежде чем заявлять, что ты сделал открытие, ты должен найти его в литературе. Информация витает в воздухе, ничто не рождается мгновенно.

Когда в конце XIX века начала работать Парижская конвенция по авторским правам, все страны лихо-радочно стали придумывать истории изобретения чего-либо. Французы выдумали изобретателя технологии шампанского, вороватого монаха Дома Периньона. Хотя эта технология маргинальная, и задолго до французов использовалась на Дону греками. Шотландцы стали думать: а когда же мы изобрели виски? И придумали время и место изобретения. Хотя если бы не филлоксеры, уничтожившая все виноградники Европы во второй половине XIX века, и непреодолимая привычка англичан проводить время с алкоголем, то виски как бренд родились бы гораздо позже. Сюда же можно отнести факт, что дистилляцию привезли в Ирландию из Магриба. А куда делись воспоминания первых ходок за Уральские горы, которые на каждом шагу сталкивались с дистилляцией молочных продуктов? В Сибири это дело было обыкновенным. А вино кто изобрёл? Ведь стоит виноград подавить, и уже получается напиток.

С пельменями то же самое. Не важно, кто их изобрёл, важно, что это блюдо было востребовано на сибирских просторах. Это был «фастфуд», используемый при длинных зимних переходах. Заранее прожарил, залил кипятком, и готово. Здесь тебе и первое, и второе — удобно.

— Вместе с исконными рецептами, похоже, мы потеряли и культуру трапезы, перестали получать удовольствие от еды...

— Как-то на радио я давал интервью, и параллельно для слушателей шёл следующий опрос.

Что вы предпочитаете — красиво накрытый стол с изысканными блюдами или вкусную еду, независимо где, можно даже перед телевизором? 70% радиослушателей выбрали второе.

И тогда я начал задумываться о мозговой лени, которая есть у нас сегодня. Есть перед телевизором — это та же лень. Я свою книгу всегда подписываю: «Живите вкусно!». Но это не значит, что нужно есть исключительно чёрную икру, запивать Шато Петрюс, закусывать королевскими омарами. Красиво, со вкусом — это задумываться о том, что ты ешь. Если человек будет прислушиваться к себе, к своим вкусам, это правильно.

Есть люди, которые многое могут себе позволить и позволяют каждый день: очень дорогое вино, осетрина, оленина, нельма... Это классическое бескультурье. При этом человек лишает себя праздников. Надо должным образом относиться и к квашеной капусте, и к редьке, и к сезонности продуктов в Сибири. Культурный человек всегда устраивает себе будни, тогда и праздники будут ярче.

Анна ГРУЗДЕВА

**Приятного аппетита!
Рецепт и фотографии взяты с сайта Игоря Шеина ivshein.ru**

рецепт

Рыбный «нерыбный» пирог

Хочу поделиться опытом очень простого в приготовлении рыбного «нерыбного» пирога. Трудность в его изготовлении единственная — достаточное количество сиговой рыбы. Самый желанный сиг — нельма, да не синявка (неполовозрелая особь), а настоящая царь-рыба, она должна обязательно быть больше семи кг. На втором месте — северный енисейский омуль, жирный да крупный. Не путайте эту рыбу с байкальским омулем. Чир, если он не озёрный, тоже неплох в пироге. Старайтесь его использовать до нового года, он не очень хорошо хранится в замороженном виде. Отлично себя ведёт в пирожке и муксун, и обыкновенный сиг.

Разделяем рыбу на мелкие кусочки филе и терем их руками, превращая в более-менее однородную массу. Тонко шинкуем лук, лучше в пропорции (по объ-

ёму) 4 части рыбы — 2-3 части лука (!). Перемешиваем всю массу 10-15 минут в удобной эмалированной или стеклянной ёмкости. Накрываем её мокрой тряпкой и оставляем при комнатной температуре. Каждые полчаса подходим к ней с чистыми руками и снова мнём, и так раза 3 в течение двух часов. В луке очень много ферментов, которые изменяют рыбный материал в лучшую сторону в будущем вкусовом отношении. Начинка перестаёт пахнуть рыбой. По существу, мы проводим ферментацию рыбной начинки. Перед последним перемешиванием добавляем пряности и соль. Пробуем. Если есть налимыя печенька — туда же её, но только после пряностей и соли.

К сожалению, мой любимый перец кубеба в этом пироге не уместен. Он даёт неприятную горчинку. То же самое может произойти с мускатным орехом. А вот чёрный и белый перец — пожалуйста, добавляйте по своему вкусу. Интересный вкусовой нюанс пирога проистекает от розового перца. Его уместно добавлять даже целыми горошинами.

Если пирог предполагается есть и в холодном виде, напицайте рыбный фарш перед закатыванием в тесто сливочным маслом по своему разумению. Дело в том, что когда пирог остынет, его начинка станет почти монолитной, желировано-твердой. Масло же сделает его структуру в холодном виде более нежной и рассыпчатой. Но лучше его съедать сразу, тёплым, без остатков, до конца.

Раскатываем слоёное дрожжевое тесто по форме противня. Делаем второй блин таким же размером, заклеиваем края, предварительно промазав их немного взбитым яичным белком, и в разогретую до 200°C

духовку на 15 минут. После этого смазываем поверхность пирога сливочным маслом, и подрумяниваем в духовке ещё 5-7 минут. Всё. Вынимаем ароматный не пахнущий рыбой пирог с приятным сочным и чистым рыбным вкусом. Накрываем его льняным полотенцем минут на 15, и можно звать домашних, разрезать пирог и раскладывать. И я вас умоляю, ешьте его руками.

Предполагаю, что многие скажут, что таким манером можно готовить морскую и речную рыбу. Готовить можно, но это будут другие пироги. А вот из стерляди и осетрины таким способом готовить пирог нельзя.

Культура среды и среда

Эти два по сути разных понятия в определённой степени взаимосвязаны. Однако зависимость эта совсем не очевидна, если посмотреть на Красноярск. Наш город, давно принимающий у себя всевозможные межрегиональные и даже международные фестивали, проводящий крупномасштабные культурные мероприятия, зачастую выглядит настолько непрезентабельно и провинциально, что просто неловко.

Чтобы в этом убедиться, не обязательно ехать куда-то на старом трамвае через промышленные зоны и рабочие окраины. Иногда достаточно, посещая какой-нибудь уважаемый торговый центр, сделать один только шаг за парадный фасад. Например, завернуть за угол «Торгового квартала на Свободном» и пройти в сторону огромного комплекса, торгующего детскими товарами, — «Изумрудного города». Одного шага будет достаточно, чтобы оказаться в странном мире плотно заселённого запустения, «облагороженного» многочисленными вывесками...

Мы в город изумрудный идём дорогой трудной

Совсем уж «сказочных» препятствий для исполнения «заветных желаний» покупатель не встретит. В сырую погоду его ждёт всего лишь грязь, ну а в сухую и ветреную — тучи пыли. Но вот если свернуть налево, в сторону выставочного комплекса MixMax, то можно получить значительно больше незабываемых впечатлений. Путь будет проходить вдоль устрашающего вида ущелья. Его одного хватило бы героям известной сказки для приобретения смелости, ума, ну и доброго сердца, — ведь в иную погоду без взаимопомощи там и пропасть можно.

Вот такой экстремальный шопинг. К сожалению, для максимально острых ощущений сейчас не сезон. Другое дело зимой. Снег с этой имеющей значительный уклон дороги не убирается, и машины выбивают на ней глубокую колею. В гололёд жмущемуся к стене пешеходу стоит больших усилий не скатиться под колёса идущего транспорта. Тротуар для пешеходов между двумя (и даже тремя) огромными торговыми комплексами, понятно, не предусмотрен. Спасает только то, что и автомобилисту там не разогнаться.

Надо сказать, что руководство «Торгового квартала» ежегодно выходит к своим московским хозяевам с предложением привести в порядок территорию. И всякий раз получает резонный ответ: «Ребята, мы здесь не одни. Здесь ещё «Искра», MixMax и великое множество других торговых и прочих предприятий. Давайте вскладчину». Однако местный бизнес такое предложение встречает без особого энтузиазма. Это и понятно — какой же энтузиазм у нас без внешнего воздействия. Так, может, пора власти это воздействие организовать?

Гуманная среда и дискриминация по признаку автовладения

Сегодня много говорится о доступной городской среде для маломобильных групп населения. И это правильно. Вот только пока среда эта не всегда лояльна даже по отношению к молодым, здоровым и сильным.

Город наш на пешеходов не рассчитан — все преимущества у автомобилистов. Почему-то считается возможным заставлять пешеходов переходить улицу на перекрестке трижды. Например, когда идёшь по Декабристов, собираясь попасть на остановку Агропром, надо сначала перейти Декабристов, потом Ленина, а потом ещё раз Декабристов. То же и на Сурикова. И это ещё что.

Пешеход, идущий по Ладо Кецовели со стороны Красной Армии и желающий пересечь ул. Копылова, подойдя к ней, вдруг обнаруживает сплошное ограждение. И понимает, что придётся ему возвращаться до светофора на Красной Армии. Конечно, можно и через ограждение сигануть. Что и проделывают молодые, сильные и здоровые. Пока здоровые.

К сожалению, подобными дискриминационными по отношению к пешеходам мерами в нашем городе не ограничиваются. Как ни странно, в переживаемый нами период борьбы за доступную среду стало очень популярно... отсутствие тротуара. Например, местами его вовсе нет на весьма оживлённой улице Новосибирской — на участках, примыкающих к улицам Ладо Кецовели и Киренского. Кстати, на перекрестке с Ладо Кецовели пешеходный переход сразу упирается в довольно крутой откос, штурмовать который зимой рискнёт далеко не каждый.

А ведь здесь на месте снесённых двухэтажных барачков уже давно построены многоэтажные панельки. Благодаря им даже можно наблюдать некоторые следы благоустройства. Точнее, некие робкие попытки. Кто бы подбодрил «оробевших»?

Новый объект на площади Революции — деревянные стелы

На перекрёстке загородили пешеходный переход

Надо сказать, что с улицей Новосибирской вообще какая-то беда. Несмотря на то, что по ней проходит два городских автобусных маршрута, значительная её часть прямо по фасаду изрыта многочисленными погребками, которые, понятно, красоты ей не добавляют. Конечно, к объектам культурного наследия надо относиться с должным уважением. Тем более что они в 90-е годы помогли выжить многим нашим землякам. Но всё же голосую за то, чтобы пожертвовать этими памятниками перестроенной культуры как не имеющими большого воспитательного и эстетического значения. Тем более что и в смысле безопасности они далеко не безупречны.

В случае с погребками понятно, что их появление никакими проектами предусмотрено не было. Но вот глядя на благоустройство наших улиц, невольно задаёшься вопросом: профессиональный уровень проектировщиков так низок, или это полное

пренебрежение проектом при его реализации? А может, проектировщика и не было?

Блуждания в поисках стиля

Одна моя подруга, живущая с начала девяностых в Хельсинки, как-то приехала погостить на родину. Мы шли по проспекту Мира, и она то тут, то там радостно отмечала изменения, произошедшие за её долгое отсутствие:

— Как всё изменилось, как похорошело! Но что мне это напоминает? Погоди-погоди... А! Вспомнила! Диснейленд.

Нельзя сказать, что это признание доставило мне удовольствие. Диснейленд всё же не должен выходить за границы отведённой ему территории. Когда же его мультяшные красоты расплозятся по вполне себе уважаемому сибирскому городу — промышленному, научному

Эх, дороги... И тротуары....

Сочетание нескольких стилей — чаще всего это перебор!

культуры

и культурному центру огромного и во всех отношениях мощного края, — то становится неловко. Тем более беря во внимание окружающее город природное великолепие.

Неловко за пластиковые кокосовые пальмы. За цветущие сакуры и плодоносящие лимоны. За наших «слонов» и «жирафов», восемь месяцев в году напоминающих красноярцам, как коротко их сибирское лето. Интересно, во сколько обходится содержание этих ботанических «зверей» в наших условиях? И намного ли дороже содержать их живых собратьев в Роевом ручье, круглый год не теряющих «декоративности»?

Но мы же тут алюминий плавим, электроэнергию в больших количествах генерируем и даже к космосу прямое отношение имеем. А потому, исходя из финансовых возможностей, вполне можем себе позволить и почудить немного.

Вот только «немного» у нас не получается. Чувства меры не хватает. А без чувства меры о каком вкусе можно говорить? Тем более, если за эстетику в городе отвечает кто угодно, но только не тот, кто понимает, о чём речь. Иначе чем объяснить, что наиболее статусные городские территории с каждым годом приобретают всё более ярмарочно-балаганный вид?

На их благоустройство не скупятся. Взять, например, площадь Революции. Всюду классическая монументальность — колонны, портики... И вдруг какие-то совершенно из другой оперы вензеля с цветочными корзинами (опять же восемь месяцев в году стоящие без этих самых корзин). А в дополнение к этому информационные стенды — близ нашего вечно смотрящего в светлое будущее лидера.

Возможно, стенды нужны. Их конструкции интересны и были бы уместны в зонах отдыха не столь парадного плана, как площадь перед зданием краевого правительства. Хотя, с некоторой натяжкой, можно согласиться, что они составляют некий приятный контраст с классической строгостью окружающих площадей зданий. Но сочетание этого контраста ещё и с «вензелями-корзинами» — это уже перебор.

Любой дизайнер скажет, что два стиля совместить вполне можно, если опять же руководствоваться чувством меры. Совмещать три — это уже и профи не всегда по силам. У нас же на площади Революции их даже не три. Если посмотреть на обрезку некоторых деревьев, то это просто сюрреализм какой-то.

Молчаливый протест против жестокого обращения

Протест этот можно наблюдать сегодня повсеместно. Особо впечатлительные даже утверждают, что слышат стоны и вопли. Но и тем, кто ничего подобного не слышит, приходится отводить взгляд от искалеченных деревьев, посылающих им молчаливый укор: «За что?».

В последнее время в Красноярске почему-то вошла в моду стрижка деревьев «под ноль». Точнее, под столб. Объясняется всё это безопасностью — большие деревья при большом ветре представляют угрозу пешеходам и припаркованным под ними автомобилям. (Интересно, насколько безопасней деревьев рекламные щиты? Или, допустим, башенные краны, что валяются у нас, как в бурю сухостой).

Безопасность, конечно, превыше всего. Вот только зачем срубать все ветки до самого ствола? Разве нельзя просто облегчить крону, придав ей более-менее эстетичный вид? Можно подумать, что обрезкой деревьев человечество только вчера стало заниматься и потому никакого опыта в этом деле не имеет.

Но одно дело — человечество, а другое — конкретные мужики с бензопилами. Понятно, что все их знания и умения ограничиваются собственно пилением древесины без какого-либо усложняющего этот процесс осмысления. Да и к чему это осмысление? Главное, чтобы выделенные на обрезку деревьев средства были «освоены». Каким будет результат — неважно. Неважно, что от лишённого кроны дерева нет никакого толка. Оно и воздух не очищает, и красоты городу не прибавляет.

Знаменитые красноярские слоны

Такая у нас чудовищная обрезка... А побелка — традиция эстетики лагерей и нищеты... Там, где существует профессиональный уход за посадками, стволы не белят — дворцовые парки, ботанические сады и пр.

Правда, сторонники такой радикальной обрезки, иезуитски называемой «омолаживающей», в оправдание говорят, что года через два-три веточки отрастут. Да, отрастут (если дерево выживет). Но почему мы вечно должны ждать? Без слёз просто вспоминать невозможно, до чего хороши были цветущие яблони на площади Революции. Неужели нельзя было как-то гуманнее подойти к обрезке, максимально сохранив эту роскошь, это бело-пенное буйство, на которое заворачивали головы пассажиры всех

проходящих по улице Маркса автобусов? Подойти гуманнее не только к деревьям, но и к нам, красноярцам. Конечно, живи мы вечно, почему бы и не подождать два-три года. Но, к сожалению, иной и до следующей весны не доживёт. Так если берёшься за наведение порядка и красоты в городе, делай так, чтобы хорошо и красиво было сегодня, сейчас. А не можешь — так и не берись.

И кто сказал, что через два-три года ветки снова не отпилят? Скорее всего, так и будет, — посмотрите

на стволы, сплошь покрытые наростами от многочисленных обрезок под столб. Другой способ формирования кроны у нас, похоже, неизвестен. Так может спросить специалистов? И научить искусству формирования кроны вооружённых бензопилами людей.

И давайте запретим эту самодельную побелку деревьев! Какой в ней смысл? Дело дошло до того, что белят даже ели, сосны и лиственницы. И даже кустарник. На центральных улицах! А на окраинах уже и фонарные столбы белят. Не город, а сплошная воинская часть в ожидании приезда генерала.

Плохо или хорошо — зависит только от нас

Большинство горожан, гордо причисляя себя к носителям городской культуры, привыкли не замечать «всякие там мелочи». Но именно из мелочей всё и складывается. А значит, к ним надо подходить серьёзно, профессионально. Насколько это важно, можно судить по хорошо известным примерам.

Прекрасную архитектуру, украшающую нашу главную площадь, непрофессиональным вмешательством удалось низвести до откровенно пародийного уровня. И наоборот, профессиональное вмешательство в запущенный, имеющий довольно неприглядный вид Студенческий городок, позволило ему разом обрести ухоженность и цивилизованность.

А ведь там всего-то облицевали здание бассейна да привели в порядок пешеходные зоны. Никаких архитектурных шедевров не появилось, а результат впечатляет — аккуратно, комфортно, достойно. Достойно — вот слово, которому должно соответствовать абсолютно всё, что делается в ходе благоустройства краевой столицы.

Городская среда, пока жив город, не может оставаться неизменной, раз и навсегда завершённой. Мы постоянно меняем её, то улучшая, то совершенствуя над ней грубое усилие. И пока мы (и в первую очередь профессионалы) не озаботимся так называемыми мелочами, наш город никогда не приобретёт подобающий его статусу вид. Как известно, неподходящие пуговицы могут загубить самый прекрасный и дорогой костюм. Так может не экономить на пуговицах?

Но качество среды зависит не только от профессионалов, а от всех нас, здесь живущих. Одна моя приятельница, как-то наблюдая за пожилой дамой, преодолевающей с внуком препятствие в виде лестницы с циклопических размеров ступенями, не поленилась достать телефон, а потом отправить снимок на сайт городской администрации в общественную приёмную мэра. Отправить, ни на что не надеясь. Каково же было её удивление, когда через месяц она обнаружила на том месте вполне гуманную, полностью соответствующую стандартам лестницу.

Нельзя вдруг взять да оказаться в городе, где исполняются заветные желания, не сделав для этого никаких усилий. Такое не случается даже в сказках. Так почему же в реальной жизни мы не перестаём надеяться на доброго Гудвина, да ещё на такого, который не только сам к нам придёт, да ещё и Изумрудный город с собой прихватит.

Галина ДМИТРИЕВА

КОММЕНТАРИЙ

Ольга СМЕРНОВА, главный архитектор компании «Сады Семирамиды»:

— Зачем у нас белят деревья? От вредителей это не защищает. Деревья белят в плодовых садах по осени, чтобы зимой защитить стволы от мышей и зайцев. Ну а весной — чтобы уберечь от солнечных ожогов, пока корни ещё не работают в полную силу. Кстати, при этом используется специально приготовленный раствор.

Сторонники побелки деревьев обычно ссылаются на традиции. Специально задавали вопрос об истоках этой традиции сотрудникам нашего краеведческого музея. Оказалось, что пошла она от ГУЛАГа. По легенде, начало было положено на Соловецких островах, где была организована клумба со слоном, выложенным из белого кирпича (СЛОН — Соловецкий лагерь особого назначения). О появлении этой традиции в ГУЛАГе говорил и академик ЛИХАЧЁВ.

Но и раньше — чего только не белили. И заборы, и завалинки, не имея возможности приобрести краску. Что ещё, кроме побелки, могли позволить себе к празднику жители рабочих слободок да нищих деревень? Но я убеждена, что не стоит поддерживать традиции ГУЛАГа и нищеты.

Однако надо что-то придумать взамен. Нельзя же лишить людей радости причастности к благому делу весеннего преображения города. Например, наша компания организовала субботник, на котором люди по всем правилам высаживали кустарник. А одна московская фирма учила, как правильно обрезать деревья. Думаю, в этом направлении и надо двигаться.

Человек должен быть

Если кто-нибудь скажет вам, что запланировал на вечер культурную программу, вы ни за что не подумаете, что этот человек собирается в спортзал. А зря — ведь культура бывает и физическая тоже. И зачастую она воспитывает гораздо эффективнее, чем любые концерты и театральные постановки.

Ещё древние римляне описывали культуру как возделывание земли с любовью. Позже это слово стали переводить чуть иначе: развитие, воспитание и совершенствование. Но нигде не было сказано, что спорт к этому развитию отношения не имеет. И никто не запрещал проводить аналогию между землёй и человеческим телом. Между тем понятия спортсмен и человек культурный почему-то принято разделять. Даже больше того — противопоставлять друг другу. Мол, у спортсменов нет времени на походы по выставкам и чтение книг, а у писателей и художников — на стадионы. Якобы спортсмены слишком озабочены телом и своими результатами, чтобы задумываться о духе и душе. Но мы-то знаем, в каком теле может жить здоровый дух.

И великим не чуждо

Сама история подсказывает нам, что культура тела и культура духа — отнюдь не антонимы. Бывает, что одно приводит к другому, и наоборот.

Писатель, сын японского преподавателя филологии Харуки МУРАКАМИ, чьи книги переведены, как минимум, на двадцать языков мира, до зрелого возраста был далёк от спорта. Говорят, что он работал в своём джаз-баре до утра и выкуривал до 60 сигарет в день. Однако именно Мураками однажды попросил на своём надгробии выбить после имени: «Писатель (и бегун)». В 33 года он бросил курить, начал бегать, и теперь в его биографии красуется приписка «марафонец». Ему 65 лет, он до сих пор занимается триатлоном, каждый год пробегает традиционную 42-километровую дистанцию и не скрывает, что без бега никогда не написал бы своих бестселлеров.

«Самые важные качества, необходимые писателю, это, наверное, сила воображения, интеллект и концентрация, — говорит Мураками в одном интервью. — Но чтобы удерживать эти качества на высоком уровне, вы ни в коем случае не должны пренебрегать поддержанием своей физической силы. Без этого вы не сможете осуществить чего-либо достаточно сложного или амбициозного».

Кстати, впервые желание написать собственную книгу к молодому японцу пришлось на бейсбольном матче с американцами... Так родился роман «Слушай песню ветра».

Автор знаменитого цикла про Шерлока Холмса Артур КОНАН ДОЙЛ любил спорт в разных его видах. Он играл в регби, увлекался мотогонками, входил в сборную страны по футболу, любил поиграть в крикет и подраться на боксёрском ринге. Эти увлечения впоследствии становились музами для его творчества. К примеру, в 1900 году он обыграл самого известного игрока за всю историю крикета — Уильяма Гилберта ГРЕЙСА, чем не преминул хвастаться в одной из своих поэм. А умение боксиро-

вать помогло ему настолько реалистично изобразить поединки героя романа «Родни Стоун», что даже профессионалы ринга не нашли к чему придираться.

Не каждый знает, что великие классики русской литературы тоже не обходились без физических упражнений. К примеру, Максим ГОРЬКИЙ мог десять раз не спеша перекреститься пудовой гирей, Лев ТОЛСТОЙ каждое утро делал зарядку и подтягивался на турнике, граф Алексей ТОЛСТОЙ боролся на поясах со своими крепостными, а Александр КУПРИН увлекался классической борьбой, выступал в лёгком весе и даже организовал свой борцовский клуб. Кстати, именно он, будучи знаком с легендарным Иваном ПОДДУБНЫМ, уговорил последнего переключиться с борьбы на поясах на борьбу французскую, позже получившую название греко-римской.

Спорт всегда был в почёте у художников, скульпторов, поэтов — тех людей, которые считаются оплотом

мировой культуры. Вспомним знаменитого «Дискобола» (греческого скульптора МИРОНА), вырезанного в середине 4-го века до н.э. Несколько известных копий этой статуи стоят во дворцах Рима и в Британском музее. А картиной сэра Джона ЛАВЕРНА «Обмен ударами», посвящённой теннису, наслаждаются посетители музея Глазго. Но если для одних спорт становится стимулом к творчеству, а для других вдохновением, то третьи сразу выбирают такой вид, который сам по себе — искусство. Боевое.

Такой близкий Восток

По историческим меркам — не так давно наша страна пережила пик бешеной популярности восточных единоборств: ушу, кунг-фу, тхэквондо, дзюдо, каратэ... В 80-х это был запретный плод для советских мальчишек. Увлечения этими видами пресекались вплоть до уголовного преследования. Нельзя было тренироваться, открывать школы, пропагандировать и тем более проводить соревнования по каким-либо из иноземных единоборств.

К концу перестройки запреты начали спадать, контроль ослабевал, но всё ещё сохранялся. Самые отчаянные в свой страх и риск открывали залы в цокольных этажах и собирали группы. Потом наступил период расцвета: вышли первые фильмы с Брюсом ЛИ, Чаком НОРРИСОМ, кино про шаолиньских монахов. Подрост-

ки поголовно хотели быть такими же, как эти персонажи, или хотя бы так же драться. Заведующий отделением хирургической эндоскопии краевого госпиталя ветеранов войн, кандидат медицинских наук Сергей ЭКЗАРХОВ вспоминает себя шестиклассником, когда тоже поддавался общему настроению: «Всё произошло случайно. Приятели показали мне пару приёмов, интересных и красивых движений, имитирующих боевые действия. Я загорелся. Занимались кунг-фу полулегально, у нас был зал на первом этаже бывшего детского клуба «Алые паруса». Мы сами его оборудовали, сделали ремонт и практиковали полный контакт по 4-5 часов в день».

Впрочем, «увлечение Востоком» у Сергея было всё же осознанным выбором, а не «эффектом толпы». Альтернативные виды спорта у него были с детства, причём серьёзные. С шести лет он уверенно стоял на горных лыжах. Родители отдали сына в профессиональный спорт во многом для того, чтобы избавиться от частых простуд, как советовали врачи. Побочным эффектом оздоровления оказались городские и краевые соревнования, первенства Союза и РСФСР. И всё это — без серьёзных травм.

«На самом деле, в горных лыжах переломы получают по глупости те, кто не знаком с элементарными правилами поведения на склоне, — объясняет Сергей. — Первое, чему нас учили, — это правильно падать на горе, в полной экипировке, чтобы запомнить правильное положение тела по отношению к склону, знать, как может повести себя организм на скорости, какие можно получить повреждения и как их избежать».

Одновременно с горными лыжами Сергей занимался хоккеем, но на этот раз остался в любителях. Тогда хоккей был, что называется, на волне и входил в школьную программу. А на острове Отдыха заливали каток. Туда приходили и дети, и взрослые — делились на команды и играли друг с другом. Сергей с отцом были одними из них. Ради медицины спортивную карьеру пришлось забросить, но ненадолго. Следующим этапом как раз и стали восточные единоборства.

Единоборство без борьбы

В конце 90-х нашему собеседнику попала в руки кассета с документальным фильмом про Морихея УЭСИБУ — основателя айкидо. Признаётся: то, что увидел, оставило отпечаток на всю жизнь. Впечатление усилили и первые фильмы с участием Стивена СИГАЛА. В одном эпизоде герой актёра полицейский Нико расправляется с грабителем, применяя айкидо. Тогда эти сцены казались фантастическими, а сейчас Сергей Экзархов сам знает эти техники и приёмы. Он тренируется уже 17 лет и возглавляет краевую федерацию классического айкидо.

Мы не случайно остановились именно на этом единоборстве. Оно всегда выделялось из боевых искусств хотя бы тем, что здесь нет соревнований. Поэтому его называют «искусством мира», «самым небоевым» боевым искусством, «борьбой, призванной воспитать нравственного человека»... Агрессия, дух соперничества, злоба и амбиции победителя в айкидо исключаются. Давно известно, что японцы пытаются достичь умиротворения духа, не ограничиваясь только медитацией, но и с помощью физических упражнений. Однако

основатель айкидо Морихей Уэсиба пошёл дальше: он создавал единоборство, которое могло бы управлять агрессией и «способствовать мудрости, любви и дружбе, воспитанию гармоничной личности». Такой принцип японец закладывал в айкидо столетия назад, по такому принципу тренируют по всему миру начинающих и сейчас.

В нашем городе классическое айкидо появилось двадцать лет назад. Сегодня оно такое же, каким его практикуют в современной Японии. Чтобы не потерять эту связь, красноярцы либо сами периодически ездят на родину айкидо за знаниями, либо к нам приезжают именитые мастера. Для японцев это не спорт, а часть национальной культуры, наследие самураев. И красноярцы, даже если это и непривычно русскому человеку, обязаны почитать их традиции. Этикет, дисциплина — на первом месте. Возле татами висит портрет основателя — перед занятиями айкидоки приветствуют его поклоном. Есть даже обязательное правило: перед тем как отрабатывать технику, нужно по-японски попросить: «Пожалуйста, потренируйтесь со мной. Я в ваших руках». Этой фразе учат с первых занятий, даже малышей. Так же, как и «благодарю за тренировку» на японском языке. Культура поведения здесь во всём — в том, что форма не должна оголять торс, что нужно присесть, если мастер стоит, что нельзя поправлять кимоно, стоя лицом или спиной к портрету. Не говоря уже о соблюдении иерархии.

«В первый раз я пришёл на тренировку по айкидо в чёрном кимоно и с чёрным поясом. Это была моя форма, оставшаяся после кунг-фу. Ведь в то время достать обычное кимоно было не так просто, как сейчас — пошёл и купил. Я заказывал его из Санкт-Петербурга, — вспоминает Сергей Экзархов. — Так вот, мой первый партнёр, когда узнал, что пояс не соответствует рангу, сразу сделал замечание. В следующий раз я обязан был прийти с белым поясом».

Посвятив почти половину жизни этому единоборству, Сергей Экзархов убеждён: айкидо воспитывает человека, делает его сдержаннее, гармоничнее и спокойнее. И это при всей его прикладной эффективности, ведь не зря техники айкидо используют в подготовке спецподразделений в России, Израиле, Сербии и т.д.

Но, к сожалению или к счастью, сегодня бум боевых искусств в нашей стране, да и во всём мире, прошёл. Наступил другой этап — качественный интерес к ним без погони за массовостью. Остаются только те, кто понимает, что дозрел до дисциплины и уважения к другой культуре.

Когда спорт делает человека

Одна из самых известных цитат идеолога олимпийского движения Пьера де КУБЕРТЕНА звучит так: «Спорт — возможный источник самосовершенствования для каждого человека». Но если кому-то он помогает стать лучше, то есть люди, которых физические усилия в принципе делают человеком. Например, Майкла ФЕЛПСА. В школе будущий лучший пловец планеты не мог запомнить, чего от него хотели минуту назад, отвлекался, наткнулся на окружающие предметы, всё ронял, вызывая смех ровесников. Не любил умываться, а в бассейне вообще панически боялся

ФИЗкультурным

окунать лицо в воду, поэтому первое время плавал только на спине. Мать отдала его в плавание почти насильно, чтобы он, семилетний мальчишка с синдромом гиперактивности и рассеянного внимания, окреп и развился. Все знают, что из этого вышло.

Совсем из другой песни истории, когда человек меняется не благодаря спорту, а ради него. Когда совершенно непредсказуемо для окружающих будущей гуманитарий или естествовед решается выйти из зоны комфорта и посвятить жизнь спорту. Со студенткой химфака СФУ Татьяной БРЮХОВСКИХ такой катарсис приключился девять лет назад, на втором курсе. Она смотрела трансляцию этапа Кубка мира по биатлону-2005 в Ханты-Мансийске. Камеры выхватили кадр, как наша Ольга ЗАЙЦЕВА играючи проходит на лыжах сложный поворот. Кто бы мог подумать, что секундный эпизод станет судьбоносным для зрительницы, которая находится по другую сторону экрана за тысячи километров. «Меня в тот момент ошарашило от этой её лёгкости, и я подумала: «А чем я хуже? Почему не могу так же?!» — эти впечатления Татьяна запомнила надолго.

Немного предыстории. Наша героиня не дружила со спортом с самого детства. Не просто не дружила — даже не была знакома. В школе ненавидела физическую культуру и старалась всячески её избегать. Приносила «липовые» справки. В университете была в спецмедгруппе, во время бега задыхалась и не могла справиться с болью в боку, а в протоколах всегда занимала последнюю строчку. «Спорт был от меня очень далеко, — подтверждает Татьяна. — Помню, как на первом курсе сдавала нормативы по отжиманию. На зачёт нужно было каких-то несчастных семь раз, и я сделала это только с третьей попытки». Сейчас её личный рекорд — 70 отжиманий за один подход. Но вернёмся к биатлону.

По воле судьбы после того самого эфира в Красноярске проходила встреча тогда ещё ПЫЛЁВОЙ Ольги с болельщиками. Там 19-летняя студентка Татьяна и встретила с супругом олимпийской чемпионки Валерием: «Я рассказала ему, насколько сильно хочу заниматься биатлоном, хотя понимаю, что для этого уже стара. До сих пор для меня загадка, почему он тогда меня не отправил куда подальше, а выслушал и познакомил с тренером...».

А ведь отказа стоило ожидать: в таком возрасте биатлонистки, как правило, имеют мастера спорта. Таня же в то время не умела ровно стоять на лыжах. Не говоря уже о стрельбе. Сами тренеры позже признавались ей, что сначала не знали, как избавиться от такой обузы в команде молодых и перспективных юниоров. Да и сама девушка чувствовала себя гадким утенком. Она была самая старшая в группе среди 13-летних подростков, держалась особняком.

Чтобы хоть как-то сократить разрыв в физической подготовке, начала работать над собой. Сама, без понуждения и контроля со стороны. Словно в голливудском кино про преодоление себя, она отжималась и пробегала по 3 километра каждый день в течение месяца. После этого студенческий двухкилометровый кросс сдала на раз — так, что даже преподавательница не смогла сдержать удивления. Спустя месяц пришла на занятие к тренерам — супругам Виктору и Светлане ЕРМАКОВЫМ, и там тоже удивила — но уже спортсменок, которые после

каникул растеряли форму. В таком режиме — пять тренировок в неделю, в том числе по праздникам и выходным, изматывающий бег, лыжероллеры, ОФП — прошла сессия (учёбу на химфаке не бросила) и оставшееся лето. На физическом износе и практически без моральной поддержки.

«Моё решение заняться биатлоном никто не поддержал, кроме двух подруг, — отвечает Татьяна на мой вопрос. — Бабушка, с которой я жила, восприняла новость в штыки, боялась, что это помешает учёбе. К тому же, как ни крути, а любой спорт требует денег. Тем более биатлон. Тогда я не содержала себя, мне высылали деньги родители, и я по рублю расписывала, на что их потратить: хлеб, молоко... Было время, когда я оставалась без связи, потому что нечего было положить на телефон. Я не купала себе одежду, но приобретала инвентарь. Не носила юбки, потому что не хватало на колготки. Но при этом я всё равно счастлива, что сделала такой выбор».

Невозможное возможно

Награды за терпение и труд не заставили себя ждать. Сначала — в виде маленьких открытий. Например, когда Тане, наконец, хватило дыхания разговаривать во время бега. Или когда во время сборов за несколько дней научилась подтягиваться до 3,5 раз. Никогда не отлынивала от тренировок, и ей стали подражать дети. А потом её поставили на лыжи и дали винтовку...

«Это было ужасно! Я пыталась подражать коньковому ходу, который видела по телевизору, но это было неправильно, хотя и красиво внешне. Потом мне ставили технику заново. Дня три я как провинившаяся школьница каталась по маленькому кругу на стрельбище, училась. А потом меня пустили на большой круг, и я сразу же свалилась с подъёма. На меня полезли все, кто ехал сзади, причём так страшно, что тренеры даже закрыли глаза! После этого — обратно на малый круг...»

Сладить с винтовкой оказалось проще, чем с ногами. Её доверили начинающей биатлонистке в первое лето: дали 50 патронов и показали мишень. «В межсезонье стрельбе учат так: бежишь в кроссовках, ложишься и стреляешь на выдохе. После нескольких «лёжек» у меня болело всё тело, локти, всё было отдавлено. Виктор Иванович снял мою первую мишень, посмотрел и сказал: «Неплохо для первого раза». Я долго её хранила».

Через пару месяцев после «оседлания лыж» Татьяну выставили на первые соревнования — чемпионат края. Тренер поставил единственную задачу: дойти до финиша. Задача была выполнена, но большой ценой. «Я упала трижды, а в последний раз почти минуту валялась в сугробе и не могла встать. На тот момент нереально было сделать что-то большее. Обиды не было, разочарования тоже. Был синяк». А на следующих соревнованиях будущая чемпионка края по биатлону Татьяна Брюховских выполнила III взрослый разряд. К тому времени она не прозанималась и года. А в 2008-м получила звание кандидата в мастера спорта: бежала настолько болевая, что финишировала в слезах.

«В Канске на краевом чемпионате памяти Валерия СТОЛЬНИКОВА бежали заслуженные мастера, и я среди них. Мне было так тяжело, что на финише я упала в руки к Светлане Леонидовне, не было сил, рыдала от бессилия. Плакать начала за 100 метров до финиша. И уже в раздевалке знакомая сказала, что я выполнила КМС. Сначала не поверила, но посмотрела протоколы и убедилась».

Параллельно с тренировками и соревнованиями Татьяна успешно закрывала сессии на химфаке, поступала на факультет физического воспитания и работала. Преодолев себя, она помогает делать это другим. Целый год отработала тренером-преподавателем по лыжным гонкам в детско-юношеской спортивной школе, вела мастер-класс для взрослых — учила коньковому ходу. Сейчас с двумя дипломами, в том числе и по специальности «химик, материал-

вед-исследователь», она руководит одним из подразделений Спортивного клуба СФУ.

Ради спорта человек ломает себя, сходит с удобного, комфортного пути и, кажется, идёт против природы. При этом не становится знаменитым, не получает заоблачные гонорары и квартиры. Обычно это вызывает недоумение у окружающих — так резко менять свою жизнь способен только ненормальный. Но Татьяна так не считает. Переломные годы, слёзы, неловкость на первых занятиях и то, кем она сейчас стала, девушка вспоминает с упоением и едва ли не с румянцем на щеках.

«Спорт помог мне найти себя. Раньше я была застенчивая, стеснительная, брезгливая. Пересматриваю старые фотографии и не нравлюсь себе. Кажется, что с годами у меня уменьшился даже размер одежды. Я раскрылась, стала увереннее в себе».

Два года назад, когда я отбежала последние серьёзные соревнования в своей карьере, на финише снова не могла сдержать слёз. Я понимала, что это в последний раз, и было очень жалко. Годы в биатлоне были лучшими моментами моей жизни.

Я с детства мечтала заниматься спортом. Да, с самого детства. Но всегда считала себя немощной и боялась даже пытаться. Когда я встретила ровесников с рюкзаками, то понимала, что они идут на тренировку, и тайно завидовала им. Но теперь я осуществила свою мечту. Мама всегда удивлялась: «Как же тебя так угораздило?! Ничем не занималась, а тут пошла в лошадиный спорт?!». Но тренеры говорили ей: «Вы понимаете, что ваша дочь осуществляет мечту?». Я сделала это, и я счастливый человек».

Спорт можно использовать по-разному. Принимать в малых дозах в виде физических упражнений. Сделать своим наставником. Или же полностью отдать ему свою жизнь. Выбор за каждым. Главное — помнить, что сделать этот выбор никогда не поздно.

Елена НИКОЛАЕВА

Население в законе

Первоначальный замысел был такой: показать, насколько мы знаем и умеем пользоваться законами в своей ежедневной жизни. Допустим, автомобилисты вашего двора давно заняли под стоянку для своих машин и тротуары, и газоны; вам это активно не нравится, но вы не знаете, что в этом случае предпринять. А может быть есть закон, и достаточно только «просигнализировать», чтобы механизм заработал, и проблема решилась? То же самое — с выгулом собак, с работой общественного транспорта, с социальным обеспечением.

Но тема «правовой культуры» при первом же к ней приближении обернулась совсем другой стороной: у нас так много нелепых, противоречащих друг другу и не учитывающих интересы конкретного человека нормативов, что все силы уходят на то, чтобы их обойти, а не поставить себе на службу. «Разве такое общественное устройство не представляет собой, так сказать, безысходный круг, в котором постоянно возобновляются тождественные явления, без всякой надежды на возможность когда-либо разрешить их?», — сказал о России в позапрошлом веке писатель-сатирик Михаил Салтыков-Щедрин. Ему же принадлежит и более известное выражение: «Строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения». Кстати, наше время породило другие меткие афоризмы, один из которых приписывают Владимиру ПУТИНУ: «Над принятием законов думают сотни и сотни, а над тем, как обойти закон, думают миллионы...».

Благоустройство наказуемо

Большинство собственников квартир, застеклив свои балконы или лоджии, и не догадываются, что это не что иное, как реконструкция, и её следует узаконить. Причём остекление лоджии приравнивается к изменению фасада здания и требует проектного согласования. Хотя, может быть, это и не так серьёзно, как сносить несущие стены, демонтировать систему вентиляции... Тем не менее, как и за любую другую самовольную перепланировку жилых помещений в многоквартирных домах, за это предусмотрена административная ответственность — штраф от двух до двух с половиной тысяч рублей (Кодекс об административных правонарушениях РФ, ст. 7.21). Кстати, если после наложения штрафа и предписания об устранении нарушения собственник не соизволил их устранить, то предусмотрена и более серьёзная ответственность — вплоть до продажи квартиры (ст. 29 Жилищного кодекса РФ). Так что почти все мы под колпаком.

Можно, конечно, считать, что подобные примеры массового нарушения закона — от недостатка правовой культуры у населения. Наверное, именно поэтому при покупке квартиры у другого собственника мало кто обращает внимание на то, узаконена перепланировка или нет. И скорее всего каждый из нас очень удивится, если в один прекрасный момент ему предъявят штраф. Хотя, как писал тот же Салтыков-Щедрин, «если на Свя-

той Руси человек начнёт удивляться, то он остолбенеет в удивлении, и так до смерти столбом и простоит».

Театр абсурда

Вспомним Основной Закон нашей страны, статью 2: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства».

Почему же законы, которые призваны упрощать, оптимизировать нашу жизнь, порой доводят её до абсурда?..

В советские времена в кинотеатрах перед показом художественного фильма крутили сатирико-юмористический киножурнал «Фитиль». Это были журналистские мини-расследования на тему взяточничества, разгильдяйства, бюрократии, расхищения государственного имущества. Теперь что ни день — новостные выпуски местных телеканалов всё больше напоминают тот самый «Фитиль».

Представьте картину: раскисшая от слякоти деревенская дорога. Пешеходы идут в резиновых сапогах по лужам. Тротуаров нет. Это деревня Хаерино в Канском районе, где 120 дворов, 290 человек населения и две центральные улицы — Молодёжная и Советская. Корреспондент 7-го канала за кадром: «Три года жители деревни гадают, как бы им так дорожную разметку сделать, чтобы она, как и сами дороги, в грязи не утонула?».

А происходит вот что. Ещё в 1998 году Президент Ельцин подписал Указ № 711 «О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения». Больше 10 лет надзорные органы не трогали село. Возможно потому, что «за безопасность дорожного движения» на сельском бездорожье отвечали высокие чиновники. Но вот вступил в силу федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», и всё изменилось. Согласно указанному закону и ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации...», вся деятельность по содержанию дорог отнесена к компетенции органов местного самоуправления. Обязанность по обеспечению соответствия состояния дорог установленным правилам, стандартам, техническим нормам и другим нормативным документам возлагается на лиц, осуществляющих содержание автомобильных дорог, т.е. на местное самоуправление.

Всё правильно. Так и должно быть. Но тот, кто писал эти законы, наверное, никогда не был в сибирской глубинке и не знает, что многим деревням до асфальта, как до Луны... Да и денег в сельском бюджете — кот наплакал.

По словам главы администрации Краснокурышинского сельсовета Ольги МИРОНОВОЙ, вот уже три года подряд каждые 6 месяцев она ходит в суд и доказывает, что денег в бюджете

на проект дорожной схемы нет. «У нас лампочки, чтобы осветить улицы, купить не на что, и на дорогах асфальта почти не осталось, поэтому действительно разметку негде делать», — уверяет Ольга Николаевна. Ситуация анекдотичная. Разве хотят сельчане нарочно оказаться вне закона? Они только просят заасфальтировать дороги, чтобы было где «зебру» рисовать. По подсчётам, на асфальтирование центральной улицы в Красном Куреше нужно свыше 7 миллионов рублей, а консолидированный бюджет всего сельсовета (это 4 деревни) — 5 миллионов.

Комментируя ситуацию с пешеходной «зеброй» в деревенском исполнении, депутат Законодательного Собрания края Валерий СЕРГИЕНКО позаимствовал сравнение у Владимира Маяковского: «В тупой полицейской слоновости» — вот примерно в таком состоянии и выпускаются такие документы, а потом все думают, как им, во-первых, соответствовать, а во-вторых, как их обойти...»

Законная ирреальность

Другой афоризм горячо любимого Салтыкова-Щедрина — «ничем не ограниченное воображение создаёт мнимую действительность» — пришлось вспомнить, когда услышала о проблеме, которую изложил депутат Сергиенко на одной из последних сессий Законодательного Собрания. Обращаясь к уполномоченному по правам человека в Красноярском крае Марку ДЕНИСОВУ, Валерий Иванович поинтересовался, анализируют ли сотрудники его аппарата законодательство на предмет выявления в нём уже заложенных нарушений прав человека? «К примеру, с 1 января 2014 года вступил в действие технологический регламент Таможенного союза, подкреплённый соответствующими изменениями в Кодексе об административных правонарушениях, — сообщил депутат. — Согласно этому регламенту, работникам свиноводческих ферм запрещено иметь животных в личном подсобном хозяйстве... Заведомо известно, что это нововведение породит огромное количество нарушений, штрафов и недовольства. Ну как, скажите, жить в деревне и не иметь личного подсобного хозяйства?..»

Уполномоченный подтвердил, что подобный пример — не единственный. Ещё совсем недавно разгорались страсти вокруг пресловутых поправок в Трудовой кодекс. Они касались десятков тысяч людей, работающих с детьми и в прошлом имевших проблемы с законом. Работать с детьми запрещалось гражданам, когда-либо имевшим судимость по целому ряду статей УК РФ или являвшимся фигурантами прекращённого впоследствии уголовного дела по одной из этих статей.

В одном только Красноярском крае лишились работы сотни человек, в том числе и заслуженные педагоги. Десятки тысяч ребятишек остались без учителей, тренеров, руководителей творческих студий...

Согласно статьям 3 и 43 УК РФ наказание за преступление должно быть предусмотрено непосредственно уголовным законом, и только им. Параллельное установление такого же наказания в других законах, в том числе в Трудовом кодексе РФ, недопустимо, поскольку тогда человек подвергается ещё одному наказанию за одно и то же деяние, что запрещено статьёй 50 (частью 1) Конституции РФ.

«Мы довели ситуацию до Конституционного суда и выиграли, — ска-

зал Марк Денисов. — Но детально анализировать законодательство — сил у нас не хватит. Поэтому идём вслед за обращениями граждан. И если видим, что увеличивается поток обращений по какой-то острой теме, тут же посылаем сигналы во все структуры, от которых зависит изменение законодательства».

Безысходный круг

По мнению красноярского омбудсмена, в настоящее время серьёзной проблемой в деятельности органов местного самоуправления стал пресинг со стороны различных надзорных органов. «Безусловно, надзорные ведомства вполне законно ставят вопросы в рамках своих узких компетенций, — подчеркнул Денисов, — но финансовая несостоятельность большинства территорий края делает эти многочисленные предписания физически невыполнимыми. По расчётам муниципалитетов, общая потребность в финансовых средствах, требуемых для устранения выявленных нарушений, только за первую половину 2013 года составила 19 млрд рублей. В том числе, по решениям судебных органов более 7 млрд. Хроническая невозможность выполнять многочисленные предписания приводит к регулярным штрафам, предъявляемым как муниципальным образованиям, так и их руководителям. Как член комиссии по помилованию, я недавно ознакомился с письмом бывшего сельского главы. За месяц он был оштрафован 4 раза. На два штрафа ушла вся зарплата, на третий — пришлось занимать у знакомых; когда пришёл четвёртый квиток, человек распечатал казённую кубышку. В результате было возбуждено дело по признакам преступления «коррупция». На этом фоне всё отчётливее фиксируется отток самых подготовленных и неравнодушных работников из сферы муниципального управления. Только за прошедший год (не считая краевой центр) добровольно сложили свои полномочия 1332 муниципальных служащих. Те, кто приходят им на смену, не всегда представляют объём задач и не обладают необходимой профессиональной психологической подготовкой, а порой просто нечисты на руку. В прошлом году в крае почти ежедневно возбуждалось уголовное или административное производство в отношении муниципального чиновника. Чехарда управленцев приводит к тому, что проблемы местных жителей годами остаются нерешёнными...».

Где сердце и где мозг?

Возьмём Федеральный закон от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» или как его окрестили в народе — «закон о мусоре».

В ноябре 2012 года в Красноярске на ежегодном съезде Совета муниципальных образований Красноярского края бывший тогда главой Абанского района Михаил КРИВИЦКИЙ обратился к министру РФ по вопросам открытого правительства Михаилу АБЫЗОВУ: «Два дня назад суд принял решение — до 1 июля в пяти населённых пунктах сельского совета все свалки вывезти на полигоны. Куда? И за какие деньги? Реально ли это? В суде и в прокуратуре, когда неформально разговариваешь, вроде бы понимают, что это нереально, но, опираясь на требования закона, принимают решение — как хотите, так и выполняйте!.. У нас есть деревня

Ношино, в этом году ей исполнилось 304 года, и все 304 года там существует свалка. Сегодня мы получаем предписание: «Вывозите эту свалку, куда хотите!» Михаил Анатольевич, вы сказали, что муниципальные образования — это сердце. Я боюсь, что, если дальше мозг будет так нагружать сердце, оно просто остановится». (Бурные аплодисменты.)

Столь же эмоциональной на этом съезде оказалась и речь главы Нахвальского сельсовета Сухобузимского района Натальи ГИМБАЛ на многострадальную тему: «Утилизация бытового мусора — сегодня одна из неразрешимых проблем для сельчан. Сбор мусора в контейнеры с последующим вывозом его на городские полигоны не решает вопроса. Жители занимаются ремонтом и облагораживанием домовладений и хозяйственных построек, меняют крыши, заборы, палисадники... От всей этой деятельности, естественно, остаётся много отходов, которые в контейнеры не положишь, на городской полигон не вывезешь из-за удалённости от Красноярска. Возникает необходимость иметь небольшие полигоны в каждом населённом пункте. Котлован или ров для сброса бытового мусора в течение 20-30 лет. Чтобы сделать такой котлован, необходим проект, стоимость которого около 1 млн рублей...».

Готовя этот материал, я связалась с Натальей Ивановной по телефону. Она подтвердила: за два года ничего не изменилось, приходится всё так же ходить по судам, а силы на исходе. В конце нашего разговора глава сельсовета уже не могла сдерживать слёзы...

— Упомянутый выше закон — хороший, он содержит требования, которые и на Западе есть. Проблема в другом — у нас неправильно разграничены полномочия между уровнями федеральной и региональной власти, — комментирует заведующий кафедрой конституционного, административного и муниципального права Юридического института СФУ, доктор юридических наук, профессор Андрей КОНДРАШЁВ. — И проблему, которая требует очень серьёзного и квалифицированного применения с одной стороны, а с другой стороны — большого количества финансов, федеральная власть спускает на уровень органов местного самоуправления, прекрасно при этом понимая, что исполнить эти требования они не в силах, потому что нет ни финансов, ни кадров, ни механизмов, которые бы позволили это сделать. К сожалению, такая ситуация с нашими законами случается очень часто, в том числе и потому, что все финансовые ресурсы и соответствующие возможности сосредоточены у федеральной власти.

Чужие среди своих

Депутат Законодательного Собрания края, член комитета по вопросам законности и защите прав граждан, юрист Марина ДОБРОВОЛЬСКАЯ считает, что многие статьи Кодекса об административных правонарушениях РФ (КоАП) неубогадимы и практически невыполнимы.

— Ряд статей — о собаках, об экологической чистоте — выполнить на территории субъектов РФ невозможно. Выгул собак по федеральному закону — это нарушение закона о ветеринарии, но если собака гуляет без намордника или опирается на детской площадке, составлять протокол может только главный санитарный врач субъекта Федерации или его заместитель. Понятно, что ни-

какой главный врач не будет составлять протоколы о правонарушениях, которые совершаются повсеместно, ежечасно, ежесекундно. Это глупость! И таких примеров много. Например, КоАП чётко фиксирует нарушения на дорогах, но этот же кодекс абсолютно не трогает того, что происходит во дворах, те же брошенные машины...

Комитет, в котором я работаю, очень долго и тщательно разрабатывал закон края об административных правонарушениях, который должен был сделать удобоваримыми некоторые нормы, прописанные в федеральном законодательстве. Однако Верховный суд РФ в октябре прошлого года отменил наш закон с одной формулировкой — мы превысили свою компетенцию. Дескать, не можете выполнять законы, написанные на бумаге, никто и не требует. Но нарушения — то от этого меньше не стало! Сегодня и мойка машин, и разукрупненные авто во дворах, представляющие угрозу для жизни и здоровья детей, — всё осталось вне правового поля. Поэтому я считаю, это большая глупость, когда федеральный законодатель пишет законы в районе Садового кольца, не думая о том, что применять их невозможно.

Или взять различные СанПиНы, которые требуют, чтобы проходы в помещении были такого-то размера, а коридоры — такого-то параметра... Но если здание построено в начале-середине прошлого века, его же не переделаешь... Не закроешь из-за этого детскую больницу, дом для престарелых... Но руководителей за это штрафуют на огромные суммы.

«Уважаемое МЧС, мы понимаем, что вы заботитесь о безопасности людей, но когда вы пишете, что по всей стране нужно двери расширить на 5 см, посчитайте, во сколько ваша новая норма обойдётся... Давайте новые нормы вводить только для новых зданий».

(Из выступления вице-спикера Законодательного Собрания Красноярского края Алексея КЛЕШКО на Всероссийском форуме «Открытый муниципалитет», 28 ноября 2013 г.)

Почему здания школ на селе не могут быть деревянными? Всем подобным учреждениям выписывают штрафы и заставляют переделывать. А как устранить недостатки по новым нормам? Только полностью закрыть школу. Как и случилось, например, в селе Нагорное Саянского района в 2011 году. Родители до последнего не верили: за свой счёт отремонтирова-

ли не только классы, но и котельную. Не помогло. И не только в Нагорном такая беда. Возят теперь детей (даже самых маленьких) на автобусах каждый день из деревень в райцентр, что, как показывает практика, небезопасно — недавняя авария на трассе М-53 в Нижнеингашском районе, когда фура врезалась в школьный автобус, тому подтверждение.

— Я как-то поинтересовалась у одного знакомого депутата в Госдуме, — говорит Марина Добровольская, — почему они принимают такие законы? Он ответил: «Да мы принимали за 20 минут весь кодекс». Вот отсюда и абсолютное непонимание проблем тех людей, кто живёт на земле.

Сам за себя

Почему же всё-таки законы в нашей стране, решая одну проблему, создают на том же месте массу других?

Разъясняет профессор Андрей Кондрашёв.

— Количество законов, а особенно механизм внесения в них поправок, подвергается критике учёными уже давно. Даже специалисту трудно применить закон, в который ежегодно вносятся десятки поправок. Качество законодательных актов в последние годы тоже явно снижается. Другая проблема — как закон применяют или не применяют на практике — показывает по большому счёту отношение к существующему законодательству не только должностных лиц, но и обычных граждан. Среднестатистическому немцу, например, никогда не придёт в голову мысль не соблюдать закон, искать способы, чтобы обмануть государство. Может, непатриотично звучит, но у нас наоборот — ищут пути, как обойти закон, не соблюдать его требования. Это некие дефекты в правовом сознании больших групп людей, причём формировались они столетиями, а не только в советское время или в перестроечные годы.

Закон можно поменять. Другое дело, что механизмы прямой и обратной связи между законодателем и правоприменителем функционируют не всегда оптимально. И здесь нужно повышать роль субъектов гражданского общества (общественных объединений, оппозиционных партий и даже неформальных групп «давления») для выстраивания взаимодействия с целью совершенствования неэффективного законодательства.

Что касается возможности добиться правды в суде, то на этот вопрос пытаются ответить многие, в том числе юристы, социологи. Моя личная точка зрения: во-первых, к сожалению, в суде очень большая волокита, длительное рассмотрение дел. Во-вторых, наши суды крайне неэффективны. Даже если вы и получите решение, исполнить его крайне тяжело, особенно в гражданских делах, когда речь касается каких-то ма-

териальных компенсаций, штрафов и т.д. И третья причина — та самая коррупция, которая, увы, имеет место быть.

Говорят, законы подобны паутине: если в них попадётся бессильный, они выдержат, если большой и активный — он разорвёт их и вырвется. Но последнее бывает крайне редко. Четыре года назад Красноярский краевой суд поддержал решение Ачинского городского суда о запрете эксплуатации АЗС, удовлетворив иск жителя дома, расположенного вблизи автозаправки. Суд исходил из того, что «расположение АЗС нарушает действующие санитарные нормы, в соответствии с которыми объект относится к 4 классу опасности, и его санитарно-защитная зона должна составлять не менее 100 метров. Кроме того, суд установил, что при эксплуатации АЗС допускались нарушения норм пожарной безопасности, а также нарушения Водного кодекса РФ, выразившиеся в установленных фактах загрязнения реки».

А в Красноярске подобные нарушения санитарно-гигиенических норм и правил — на каждом шагу. Возьмите хотя бы АЗС в непосредственной близости от зданий левобережного ГорДК и Сбербанка, где масса народу. А заправка на пересечении улиц Копылова и Ладо Кедровели?

— Важно, чтобы со стороны общества исходил сигнал, — полагает Андрей Кондрашёв. — А оно тут пассивно. Видимо, не считает возможным выиграть у структур, которые зачастую тесно связаны с представителями власти.

Без вариантов

Часто интересы граждан нарушают организации, у которых целый штат юристов. Силы изначально неравны. Пострадавшему остаётся либо смириться, либо идти до конца.

— Некоторые люди после суда просто теряют здоровье, — продолжает Марина Добровольская. — Очень сложно составить заявление: одно неправильное слово — и его не рассматривают. Данный пробыл скоро (предположительно летом 2014 г.) восполнит новая норма федерального закона о бесплатной юридической помощи. Люди с низким уровнем достатка будут иметь возможность бесплатно обращаться к адвокату. Я надеюсь, что это многим поможет.

В жизни Марины Добровольской судов было больше сотни... Её и к уголовной ответственности пытались привлечь — дела рассматривались годами. В краевом суде не осталось ни одного судьи, кто бы не поучаствовал в её процессе. Всё пережила, но вынесла убеждение: если право попирается, человек должен найти в себе гражданское мужество, несмотря на нехватку времени и средств, мобилизоваться и защищаться. Даже написать заявление в суд и обратиться к кому-то — тоже поступок. Это очень сложно, но когда ты считаешь, что прав — другого выхода нет.

Вера КИРИЧЕНКО

Надо признать, что возможностей отстаивать свои права или обратиться внимание ответственных лиц становится больше. Создано Открытое правительство, гражданам можно обращаться в общественные приёмные при администрациях, модными становятся прямые линии с руководителями муниципалитетов, регионов, страны. Много зависит от нашей активности. И правовой культуры.

Место силы

Что в Красноярске можно показать приезжему? Список по-настоящему уникальных и действительно заслуживающих внимания объектов, будем честны, — у нас не слишком обширен. Но в него помимо Столбов, фан-парка «Бобровый лог» и часовни на Караульной горе точно входит Красноярский музейный центр на Стрелке — крупнейшая за Уралом презентационная площадка современного искусства. КМЦ — особая, ни на что не похожая форма существования творческой материи, необычный феномен, который мы, местные жители, сами до конца не осознали и не распознали.

Иногда думается, что такого места вообще не существует, что это фата-моргана, в которой картинки из прошлого и отдалённого будущего накладываются друг на друга, искажаясь и дробясь. Оно представляется аномалией хотя бы потому, что замышлялось как филиал Центрального музея им. В.И. Ленина. До сих пор поздеевский зал от ленинского отделяют лишь несколько лестничных пролётов. Это две разные революции, упрятанные в глубинах облицованной коричневой плиткой футуристической коробки, где совсем недавно, в 90-е, всю торговлю шубами и сапожками. И, конечно, во всём этом можно обнаружить и изящный исторический юмор, и преемственность времён, и ещё бог весть что.

Свою миссию музей формулирует просто и ясно: исследование и представление смыслов и ценностей современной культуры, называя эту деятельность «грандиозным культурным экспериментом постсоветской эпохи». Похоже, что эксперимент этот не столько временной, сколько сущностный. Искусство перестаёт быть ремесленным воплощением творчества, приобретает не просто аудиовизуальную, а перформативную и не всегда осязаемую форму. В то же время, как выражается Анастасия БЕРЕЗИНСКАЯ, директор галереи «Секач» КМЦ, это всё равно некий опыт художника, к которому можно прикоснуться.

Современный музей — скорее территория, взаимодействующая с посетителями как образовательная,

коммуникативная и рекреационная среда, нежели чем жёстко зафиксированный в пространстве объём. И здесь — разгадка удивительного парадокса совершенной невыставочности КМЦ в традиционном понимании этого свойства. Это ведь абсолютный антипод «белой комнаты», удивительно неудобное экспозиционное пространство — этакая плоскость в пять тысяч квадратных метров, изжёванная и разломанная на куски сотнями острых углов, с ужасной акустикой и неважным освещением. Какую выставку ни замысли, придётся натурально поднимать целину. Потрясающий вызов что для самого творца, что для его куратора.

Вероятно, именно поэтому здесь так хорошо прижились музейные ночи с их нестандартным жанровым разнотравьем — инсталляциями, перформансами, видеопозаками (на одной из недавних «ночей» была презентована потрясающая мини-опера — и это в месте, где любой звук чувствует себя, как корабль в бермудском треугольнике!). Поэтому так органично здесь смотрятся любые проекты, которые привозят в рамках международных биеннале изобразительного искусства. Но в этом скрывается и очевидный минус — будучи изначально не особо ориентированным на традиционные формы музейной деятельности (постоянные выставки и экскурсии), КМЦ для неподготовленного человека кажется пустым или, скорее, обидно не наполненным. Другая проблема связана с нежеланием молодых художников вживаться в неудобный ландшафт, который предполагает свои правила игры, в том числе и организационные, с искусством напрямую не связанные.

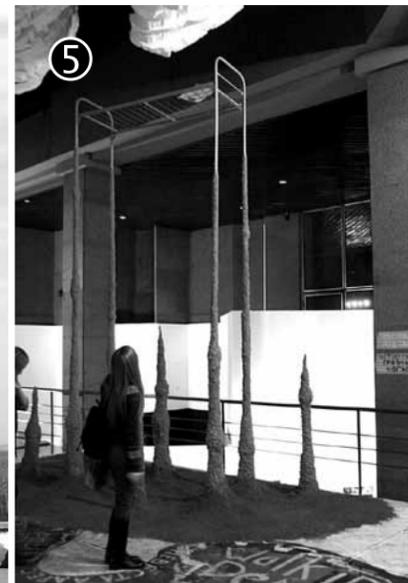
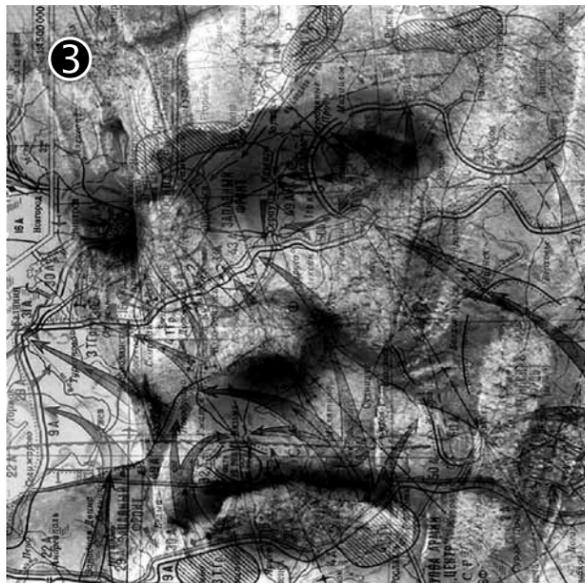
Опросив почти полтора десятка знакомых и друзей («Чем для красноярцев является КМЦ?»), я получил почти полтора десятка разных ответов. Разных даже не столько по интонациям, сколько по расставленным в этих ответах акцентам. «Место, где можно посмотреть на современное искусство и его почитателей», — писал один. «Место действия, место концентрации мыслей и самовыражения, пожалуй, наиболее открытая из площадок города — для всего нового, для необычных взглядов со стороны... практически единственное место в городе, куда стоит приходить вообще без вопросов», — делилась другая. И сразу же вспоминалось интервью с драматургом Юлией ТУПИКИНОЙ в предыдущем номере СФ, которая говорила, что КМЦ — самое важное место в Красноярске, без ко-

торого «в городе было бы просто невыносимо». Однако...

«Когда я в зарубежных поездках, всегда иду в музей современного искусства. Вот и КМЦ я воспринимаю в Красноярске именно так. Другое дело, что тот же центр Помпиду в Париже — это не только музей, это целый мир, где есть всё — и кафе, и магазин интереснейших книг, и огромные выставочные залы. В КМЦ это тоже вроде есть, но книжный только номинальный, а вместо приличного кафе — заведение под названием «Мария», где идут какие-то сумасшедшие банкеты из девяностых с толстыми пляшущими тётками. Я стоял, смотрел на этот банкет и чувствовал себя абсолютно чужим этому музею».

Вышесказанное вовсе не про еду, конечно, а про то, что для обычного городского жителя музей не слишком гостеприимен. Это не такое место, куда обывателю, будь он приезжий или абориген, хотелось бы зайти, чтобы перекусить и заодно полюбоваться на современное искусство. Жизнь здесь бьёт ключом не всегда, а как бы время от времени. Собственно, есть только две ночи в году, когда музей становится центром для всех и каждого. Эти самые ночи, музейные, давно является визитной карточкой нашего города; переживая то творческие спады, то качественные взлёты, они стабильно собирают тысячи горожан (ближайшая «ночь», к слову, придёт на середину мая и будет на-

зваться «Сон разума»). Но сколько из этих горожан специально забредут сюда в будние дни полюбоваться на выставку литографий Эгона ШИЛЕ или экспозиционные гастроли питерского музея «Эрарта»?

Вещи, в общем-то, очевидные и однозначно позитивные (например, культуртрегерскую функцию КМЦ можно отставить в сторону; о ней писали многие, хотя и не в первую очередь — для кого-то весь уют, вся мощь музея заключались именно в замечательных людях вроде художника Василия СЛОНОВА. Иные поднимали такие проблемы, как оторванность внутримузеевского сообщества от остальной тусовки, связывая всё с тем, что КМЦ — учреждение государ-

ственное, «а арт должен существовать независимо от всей этой госструктуры». Например, так: «Наверное, КМЦ — историческое место для современного искусства Красноярска. Оно там зарождалось, в какой-то мере воспитывалось, взращивалось. Но как площадка современного искусства он работает не в полную силу. Он не открыт для молодых художников «с улицы». С одной стороны, это снобизм и псевдоэлитарность, с другой — это страх муниципальной структуры перед «неудобными» высказываниями. Но ведь, как говорится, назвался груздем — полезай в кузов».

На самом деле, на вторую часть этой реплики Михаил ШУБСКИЙ, директор Красноярского музейно-

го центра, ответил некоторое время назад, в интервью одной из краевых газет: что современное искусство можно подавать по-разному, в том числе и «по-доброму, без агрессии, не доводя до провокации», но при этом давая ему возможность быть неприятным, острым. Однако, на самом деле, насколько справляется музей с накоплением критической массы талантливых людей вокруг себя? Насколько эффективны те многочисленные образовательные проекты, которые в последние пару лет запустили в музее — «умные четверги», фестивали молодого искусства, арт-сессии? Это, увы, вопрос из области стратегических, да ещё и с огромной погрешностью при ответе — кто-то очень успешный, будь то культуролог или куратор, некоторое время спустя улетает в столичный пылесос.

Вот и Михаил Павлович Шубский, к которому я пришёл с вопросами, посетовал на то, что Красноярск — это по большому счёту очень небольшой сибирский посёлок, где крупные творческие единицы наперечёт. Вместе с тем, сказал он, необходимо в каждом, кто приходит в музей, видеть не просто человека, а некую творческую единицу, художника, который вдруг что-то может сделать. «Есть музей без экспонатов, но музей без художников — это не музей». Пожалуй, более рьяно, чем здесь, нигде не собирают и не поддерживают молодые таланты, даже в художественном училище. Да и слово «художник» понимают в КМЦ предельно широко — это и поэт, и музыкант, и артист. Отсюда — разнообразие форм искусства, представленных в его стенах. Загляните на сайт КМЦ и увидите множество интереснейших проектов: от экспериментального театра до интерактивного музея науки (своеобразный science-art). Каждый из этих проектов — люди. Но являются ли они цельным сообществом — так сразу и не скажешь. К слову, грядёт кураторский проект под названием «Упражнения», который включает лучшее, что за эти годы наработали молодые красноярские художники; вероятно, именно он и сможет как-то прояснить ситуацию.

«Куда движется музей? Чисто философски я бы ответил — ближе к жизни, к той реальной жизни, которая существует. Стать таким многопрофильным, многофункциональным центром различных форм искусства — для нас это очень важно. Движение — это ведь не просто поставить цель и пытаться к ней переместиться. Это, в первую очередь, впитывание самых

интересных, новых, лучших форм по дороге», — рассуждает Шубский, выпестовавший феномен КМЦ. Знал ли он в далёком 1991 году, что создаёт не только концепцию для музея, но ещё и самую важную, самую загадочную городскую достопримечательность? Кстати, парадокс: из различных связанных с движением образов, которые наиболее точно фиксируют восприятие Красноярского музейного центра, лучшим кажется не дорога, а дверь.

Вспомните его входную дверь: две массивные, тяжёлые створки с пуленепробиваемым стеклом, над параллелограммами ручек висит табличка с часами работы. Ты толкаешь по привычке правую створку, а та не поддаётся; зато открывается левая и только если её потянуть на себя. На осознание этой нетипичности каждый раз уходит секунда-полторы. Кажется, её так легко исправить, но отчего-то исправлять не хочется, отчего-то её исправлять не нужно.

Вот это, собственно, и есть КМЦ.

Евгений МЕЛЬНИКОВ

НА ФОТО

1. Арт-сессия 2012, Открытие выставки «Это ещё не конец!».
2. Когда пойдёт дождь, 2009. Художник Айдо Мисаки, Япония.
3. Иди и сражайся. Владимир Дмитриенко. Фотоколлаж, 2010.
4. Паблик-арт композиция Вадима Марьясова на Площади Мира, 1.
5. Симулякр, 2012. Зыбка. Точка совмещения. Объект. Алексей Дьяков, Москва.
6. Что написано пером, не вырубишь топором. Василий Слонов, Красноярск.
7. Сквозь. Андрей Блохин и Георгий Кузнецов. Многослойная полиэтиленовая плёнка, краска, металлический каркас. 2010.

Книга. Ум. Будущее

«КУБ», или «Книга. Ум. Будущее» — литературный фестиваль, который прошёл в нашем городе во второй раз. Нынче он расширил географию не только местожительством гостей, но и площадками — расположился в краевой библиотеке, концертных залах, в независимых книжных магазинах, на встречах с молодёжью в отдалённых районах, оккупировал ТЮЗ и Дом кино.

Фестивальная неделя оказалась насыщена разными событиями — традиционными, вроде встреч с писателями и литературных семинаров, и новыми: поэтическими инсталляциями, музыкальными импровизациями.

Олеся РОСТОВСКАЯ, одна из признанных исполнителей на терменвоксе (электронный музыкальный инструмент, не предполагающий касания руками) поучаствовала в музыкально-поэтической импровизации, показав, что музыка — это магия. В Доме кино прошёл цикл документальных фильмов о Викторе АСТАФЬЕВЕ и Михаиле ТАРКОВСКОМ. Краевой литературный конкурс на соискание премии имени известного сибирского поэта Игнатия РОЖДЕСТВЕНСКОГО собрал огромное число заявок, и в рамках фестиваля победителям раздали призы.

Литературы много не бывает

Фестиваль провёл Дом искусств при поддержке министерства культуры Красноярского края. Директор Дома искусств Татьяна ШНАР рассказала, для чего организаторы всё это затеяли.

— Сейчас не только организациям, но и мероприятиям модно обозначать свою «миссию». Какая миссия у литературного фестиваля?

— Первая — повышение профессионального уровня тех, кто уже пишет. На это работал краевой литературный конкурс на соискание премии им. И. Рождественского, мастер-класс литературного агента Ирины ГОРЮНОВОЙ, семинары прозаика Михаила Тарковского и поэта Геннадия КАЛАШНИКОВА. И вторая, более глобальная цель — встряхнуть наше со-

общество, акцентировать внимание на том, что читать нужно. Современная литература не умерла, и она действительно качественная, сделанная на высоком художественном уровне.

— Какую аудиторию вы ждали на мероприятия?

— Целевая аудитория КУБа — это, с одной стороны, профессионалы и начинающие писатели, с другой — красноярцы, которые потенциально могут взять в руки книгу и что-то прочесть. В названии фестиваля есть слово «будущее» — это дети, молодёжь. Новые мероприятия (поэтические шоу, литературно-музыкальные импровизации) более адекватны как раз их возрасту, восприятию.

— В городе уже проводится КРЯКК — масштабное мероприя-

тие, тоже адресованное любителям книги, чтения. Зачем нужен ещё литературный фестиваль?

— КРЯКК — это всё-таки ярмарка, там идёт постоянный нон-стоп: встречи, тут же книги, презентации. У нас цель — дать возможность пообщаться, обменяться опытом, осмыслить, что сейчас происходит с литературой, понять, что пишут, что читают. И писатели у нас не только околостольные, а из разных регионов: Нижний Новгород, Вологда, Кемерово, Новосибирск, Иркутск, Хакасия.

На КРЯКК писатель приехал, поучаствовал в заявленной для него акции и уехал. А у нас практически все гости находятся здесь всю неделю, это даёт живое и глубокое общение. Позволяет писателям обсудить пла-

ны, помочь друг другу, обменяться опытом, начать движение. Мы делаем акцент на общении.

Лидия Александровна, редактор: «Я случайно узнала, что у нас в этом году будет литературный фестиваль «КУБ». Пошла туда с удовольствием, потому что привлекли интересные авторы. Некоторых вообще не знала, услышала о них впервые. Это, например, Николай АЛЕКСАНДРОВ, новосибирский писатель, прозаик, немного поэт, издатель. Была на встрече с ним в магазине «Бакен». Не только по текстам о человеке судишь, но и по личности; а когда больше знаешь, интереснее читать. Предприняла и попытку посмотреть фильм «Замороженное время» Владимира ВАСИЛЬЕВА о Михаиле Тарковском, но из-за технических неполадок фильм был заменён на литературную встречу с героем. И, по мнению многих, это было ничуть не хуже, даже более захватывающе. Потому что фильм мы ещё посмотрим, а вот так пообщаться с автором... Он очень позитивный человек, глубокий, творческий, необычный».

Певцы малой родины

Центральное событие фестиваля — краевой литературный конкурс на соискание премии имени Игнатия Рождественского (отдельно — дети и взрослые). Было объявлено четыре номинации, две стандартные «Поэзия» и «Малая проза». И специальные номинации памяти известных поэтов: «Я себя не мыслю без Сибири» (название повторяет строчку с мемориальной доски на доме, где жил Игнатий Рождественский, а номинация предполагает написание стихов о Сибири); «Чем писать, как не любовью» (в память о поэте Нине ШАЛЫГИНОЙ — для лирических произведений).

В этом году на конкурс подали заявку 340 участников, все они — жители края.

Один из членов жюри, писатель Михаил Тарковский, высказал мнение о текстах, которые прислали на конкурс: «Произведения разнообразны по жанрам, опыту, взглядам. Из детского конкурса я бы все тексты оставил в финале — среди них не было плохих. Немного смешные, чуть-чуть неграмотные, но они все были милые. Там один мальчишка, видимо, прямо в тексте исправлял, сначала написал: «Я и моя сестра Лёлька», а потом заменил «я» на имя и получилось «Колька и моя сестра Лёлька», вот в таком духе».

В рамках литературного фестиваля КУБ проходил краевой литературный конкурс на соискание премии им. И.Д. Рождественского.

Публикуем стихи одного из лауреатов конкурса — Ольги ГУЛЯЕВОЙ

ВОЛКИ

Твои невидимые штандарты меняют форму, меняют цвет,
И ты, разумный такой когда-то, несёшь сегодня полнейший бред.
И ты, когда-то такой разумный, живущий радостно и легко,
Даёшь таксисту такую сумму, что хватит сотне твоих волков.
И ты выходишь как будто голый (смотрите, суки, — ещё живой);
К тебе приходит домой психолог, а может, переодетый волк,
И ты спокоен, пока рисуешь, пока танцуешь и говоришь,
И людям кажется — ты разумен, и ты разумен, но не внутри.
А не внутри ты — почти громада (в тебя вмещается весь Хичкок),
И ничего, что дышать на ладан тебе сегодня не так легко.
И надо лечь, закурить, размякнуть, уснуть, не думая ни о ком -

Твои невидимые собаки облают стаю твоих волков.
И надо лечь, закурить, и только, и ты спускаешь своих собак.
Не все, кричавшие «волки-волки», от них отделялись вот так.

Разбей башку, собери осколки, послушай, как зазвонит в ушах.
Твои невидимые волки не стоят ломаного гроша.

СТИХИ УЧАСТНИКОВ ДОМА-2

Скажи мне слово, открой мне тайну, устрой салют и девятый вал.
Но вместо этого мы читаем стихи участников Дома-2.
Давай мне руку, веди к вершинам, давай напьёмся, пойдём гулять.
Туда, где шлюхи и их мужчины, туда, где носит таких земля,
Туда, где нежный герой-любовник срывает розы со страстных губ.
Но вместо этого есть половник, вчерашний плов и остывший суп.
Пойдём гулять по ночным карнизам, по звёздам, тучам и проводам.
Но вместо этого — телевизор, и там сказали, что снег — вода.
Пойдём на все мировые войны, пойдём и гитлера там убьём.
Но вместо этого мы довольны, поскольку нам хорошо вдвоём.
Пойдём куда-то, где всё случайно, туда, где выживем мы едва.

Но вместо этого мы читаем стихи участников Дома-2.

Взрослых труднее оценить в силу неоднородности, потому что авторы разной зрелости, разного возраста, есть начинающие, есть продолжающие и просто серьёзно пишущие. Разные и объёмы: одни прислали этюд на четверть странички, а другие — воспоминания на много страниц о военном времени, близких людях. Были, конечно, и слабые тексты, но в целом работы интересные, хорошо, что такие мероприятия проводятся».

На торжественном объявлении результатов, кроме вручения подарков и цветов, были прочитаны стихи победителей. Ещё до начала награждения, в фойе, пока собирались зрители, одна женщина говорила дочери: «Пройдёшь через зал, все проводят тебя глазами». Оказалось, что девочка из Железногорска выиграла конкурс (в номинации «Поэзия»); её поздравили первой и прочли два стихотворения, оба про домашних животных — кота и собаку. В номинации «Чем писать, как не любовью» подарки вручил сын Нины Шалыгиной. Он прочитал прощальное стихотворение красноярской поэтессы, умершей год назад, и рассказал, каким она была «настоящим солдатом поэзии»: когда плохо себя чувствовала, работала двенадцать часов, а когда чувствовала себя хорошо — шестнадцать».

Ни дня без строчки

Ключевыми «профессиональными» событиями фестиваля стали литературные семинары «Поэзия: вдохновение и мастерство» московского поэта Геннадия Калашникова и «Дорогой русской прозы» писателя Михаила Тарковского. Обучение проводилось в течение трёх дней, и это была реальная возможность поучиться у профессионалов и познакомиться с людьми, которые тоже пишут. Формат таких встреч довольно распространённый: после каждого прочитанного самим автором куска или произведения целиком выступает один «главный рецензент», то есть человек, ещё вчера специально получивший рукопись «на дом». Дальше в свободном порядке комментируют из аудитории. Руководитель семинара говорит в конце — или не говорит. Но одно его присутствие вызывает восторг авторов. «Секунды лопаются и утекают сквозь пальцы», — читает писатель, пока секунды действительно теряются между спинами зрителей — за первый час успевают прочесть только трое. Один из текстов (воспоминания женщины о детстве,

подчёркнуто метафоричные, по-деревенски простые, почти лишённые генеральной линии, кроме основной идеи) очень хвалят. Историю про одинокую старую женщину, «брошенную» родственниками и уехавшую жить за пять тысяч километров от дома, но всё ещё ждущую приезда детей, — ругают за описательность. Зал реагирует безапелляционно и кратко. Подошедший на семинар новосибирский писатель Николай Александров подбадривает: «Даже если читать перед зеркалом, это не даёт такой же отдачи, как незнакомый зал,

и текст принимает форму зрителей». По итогам семинаров тексты троих писателей Михаил Тарковский порекомендовал в рубрику «Дебют» альманаха «Енисей».

Людмила Александровна, участница семинара по прозе (Канск, член Союза писателей): «Я сама пишу и стихи, и прозу, и литературный семинар нам очень многое даёт. Что-то объясняют, разбирают произведение, показывают ошибки. То, что я сегодня услышала в адрес своей работы (в первый раз за долгое время), даже шокировало меня. Живёшь в одном

месте и слушаешь, что ты замечательный и хороший. И вдруг сегодня нам показали столько ошибок. Это полезно, ведь критика опускает людей с небес на землю, отрезвляет. Начинаешь задумываться, анализировать, работать. Конечно, я знаю, что у меня есть ошибки, я над ними работаю. Но оказалось, что этого недостаточно, надо ещё больше работать!».

Под занавес

Кажется, последним событием фестиваля стала встреча на малой сцене ТЮЗа с писателями Михаилом Тарковским и Захаром ПРИЛЕПИНЫМ. Они — друзья, а так, как пишет Прилепин о Тарковском в своих литературных обзорах и книжках, вообще мало кто скажет: «он показывает жизнь, как птенца в ладонях, — бережно, нежно, тепло, и сердце щемит от этого».

Вообще, жаль, что здесь не опубликуешь стенограмму двух часов вопросов и ответов с этими замечательными — из первого эшелона — современными русскими писателями. Говорил в основном Прилепин, — но это такой блестящий знаток современного литературного процесса, что слушать было — одно удовольствие. Некоторыми их наблюдениями и суждениями всё-таки хочется поделиться (стр. 24).

Олеся ПОЗДНЯКОВА

Фото Анатолия СТЕПАНЕНКО

ДО-РЕ-МИ

Эй, кукушка, не щёлкай клювом —
Тебе не холодно этим утром,
И сотню сверху даёт кондуктор,
И конкуренты не при делах.
На остановке толпятся люди
В цветных пальто и китайских куртках,
И подрезает таксист-придурок —
Ещё секунда прошла за так.

Но мы догоним и перегоним —
Бабуля, вталкивайся плотнее!
А тот пацан, что стоял за нею,
Хотел бы влезть, но уже не влез.
Толкнул принцессу мужик в погонах,
Принцесса ойкнула, покраснела,
Народ увидел принцессу в гневе,
Народ не любит таких принцесс.

— Мне на работу, мне на работу, —
Принцесса плачет — каблук сломался.
Никто принцессу не трогал пальцем —
Сапог китайский, пардон, мадам.

Выходит бабка — вперёд, пехота,
Не в ритме блюза, а в темпе вальса.
Мужик в погонах опять толкался,
Толкались дамы и господа.

Немного грустный Андрей Поздеев
Смотрел с проспекта, сжимая зонтик,
Одетый, в общем-то всепогодный,

С проспекта Мира смотрел на мир.
Живые люди. Желают денег.
Ругают близких и посторонних,
Жалеют близких и посторонних...
А дождь выстукивал:
до
ре
ми.

ГОЛЛУМ

Голлум устал. Фродо спешит на юг.
Фродо герой, не то что противный Голлум.
Голлум несёт идею, идейных бьют.
Голлум бредёт — жалкий, худой и голый.

Голлум умрёт. Фродо пойдёт домой.
Фродо состарится в домике под оливой.
Голлум уродлив, как и любой изгой.
Голлум умрёт. Голлум умрёт счастливым.

Прелесть моя... что-то внутри меня
Переживает, сжимается, давит, свербит, худеет.

Надо смириться, надо как факт принять:
Фродо несёт кольцо. Голлум несёт идею.

Именины сердца

ПРИЛЕПИН: «Занятие литературой мне кажется не самым последним»

За два часа писатели Тарковский и Прилепин затронули очень разные темы — об Украине и Путине, об отношении к нам иностранцев, о воспитании детей, о семейных ценностях. Прилепина ещё попросили назвать десяток лучших произведений мира за последние десятилетия, и он назвал. Но вообще-то у него есть целый сборник «Книгочёт» — не просто путеводитель по современной литературе, а натуральные «именины сердца» (кстати, так называется одна из его книг — разговоры с отечественными писателями. Полностью соответствует названию). Так что рекомендуем. А здесь — ответы лишь на некоторые вопросы.

>> (Про мифы о России, в которые мы сами верим) Один публицист иностранной пишется: в России удивляют некоторые вещи. 15 пунктов перечисляет. В том числе — русские не понимают, что такое эмиграция из другой страны в Россию. На самом деле в Россию ежегодно приезжают 15 миллионов человек. Столько ни в одну европейскую страну не едут. Конечно, к нам едут не из Германии и Португалии, а немножко из других стран. Но в этих странах ещё хуже. И если бы Россия была чуть по статусу выше, чуть побогаче, чуть посильнее, чуть посердечнее к своим людям настроена, они все бы сюда рванули. И я думаю, Владимир Владимирович, наверное, иногда думает: может, не строить уж слишком хорошую страну, что же мы с ними со всеми делать будем? Они же скоро будут присоединяться целыми странами.

>> (Про то, что журналист НЕВЗОРОВ читает только классику, и Тарковский тоже). Вот если бы Невзоров или Тарковский жили в 19 веке, и их спросили про современных писателей? А они: знаете, я этих современников не читаю. Я КАРАМЗИНА, СУМАРОКОВА, ТРЕДИАКОВСКОГО люблю. А ДОСТОЕВСКОГО и читать не желаю.

Я не к тому, что Достоевских сегодня полно. Но Тарковский есть. Есть Алексей ИВАНОВ. Не нужно пребывать в уверенности, что мы всё про всё знаем. Есть замечательная фраза: «мы знаем всё больше и больше о всё меньшем и меньшем». Мы живём в колоссальном количестве информации, которая нам в принципе не нужна. Хотя для того, чтобы понять время, достаточно прочесть один хороший роман. Чтобы понять середину 19 века, надо прочитать «Анну Каренину». Не миллион новостей, из которых мы ничего не поймём, а книгу «Язычник» КУЗНЕЦОВА-ТУЛЯНИНА, которая гораздо больше нам про нас объяснит, чем 200 тысяч часов, проведённые в фейсбуке, контакте или твиттере. Причём у всех нас нет времени, но в ЖЖ, в Одноклассниках мы можем сидеть.

Когда читаешь иностранные романы, въезжаешь в жизнь современного английского, или французского, или американского человека. И только из литературы можно понять, что там люди живут точно так же, как мы. Нет никакой сверхсвободы или сверхдостатка, или ещё чего-то, что их отличает от нас на качественном уровне. Они такие же несчастные, забытые, играют в компьютерные игры,

Фото Э. Астраханцев

ищут себе женщину. И никакой свободы, о которой нам все уши прожужжали, там не существует.

У них в некоторых вещах есть свои табу, чисто европейские и американские, через которые они в принципе не переступают. Так, в романе моего любимого Джулиана БАРНСА «То, как она встретила меня» есть такой момент. Девушка, подруга героя, идёт по улице, наступила в лужу и говорит: вот черт! А он ей: ты ругаешься из-за такой ерунды, а если бы русские высадились в Англии, что бы ты сказала?

Я подумал: есть ли хоть один русский роман, где бы жена наступила в лужу, а муж ей сказал: а представь, если бы англичане сейчас к нам высадились... Какие англичане, как они могут у нас высадиться?! При этом англичане как раз у нас высаживались — и в Крымскую войну Севастополь бомбили, и во время Гражданской войны в Архангельске, Мурманске открыли Северный фронт.

Мы вот в Англии ни разу не высаживались. Может, берёзы высаживали, а сами не высаживались. Но они нас боятся. Например, у СТИНГА есть великая песня про то, что русские не будут объявлять нам войну, потому что они тоже любят своих детей. Но песня такая жалостливая, что кажется: точно, гады, объявят. А у нас есть такая песня? Нас это вообще не волнует...

>> (Самые сложные ситуации, которые прошёл) Я всякий раз присутствовал на родах своих детей. И это пробивает насквозь. Многие другие события в жизни, скажем, когда стреляют рядом с тобой или в тебя, в целом (не будем говорить про героические вещи, которые ещё надо совершить), но в целом мужчина способен к ним адаптироваться. Я своими глазами это наблюдал во время командировок в Чечню. В принципе, это заложено в мужскую психику. Когда я смотрю какие-то репортажи про боевиков, или вот что в Луганске происходит, думаю: Господи, как же это страшно. Но когда внутри находишься, там включаются какие-то другие источники питания.

>> (В ответ на вопрос, почему роман «Санька» оставляет такое тягостное впечатление) Сущность русской гуманистической традиции и литературы заключается в том, что она даёт ответы на самые страшные вопросы или хотя бы задаёт эти вопросы. Без попытки убежать, как-то славировать между приятным досугом, толерантностью, политкорректностью, а просто напролом. Поэтому всякий русский писатель — экстремист, мракобес, ксенофоб зачастую. На них просто печати ставить негде, их бы сейчас посадили в тюрьму в любой европейской стране за все их невозможные взгляды.

Но благодаря этому русская литература и воспринимается в мире как пространство абсолютной свободы. К счастью или не к счастью, в русской традиции нет никаких счастливых книг. У нас есть такая прекрасная история про Тараса Бульбу, но его убили, а сына запытали при нём. Она такая цветистая, цыганская книжка, но с ужасным финалом. «Преступление и наказание», «Идиот»? Что мы вспомним такого? Рассказы ЧЕХОВА все радужно заканчиваются?

У нас литература невозможно тягостная. Но там за первым пространством текста находится то самое обретение смысла и даже радости... Чехова читаешь — сначала хочется удавиться. А потом понимаешь, что счастлив. Потому что где-то там есть ощущение божественного.

Не хотите тягости — смотрите сериалы, будет весело. Просто выходишь после этого, как оплётанный. Так смеялся, так хорошо было — а радости на душе никакой. А прочитал «Воскресение» — на каторгу за проституткой человек отправился — а на душе хорошо.

>> (Вопрос про отношение к Сибири) Я просто зачарованный всё время нахожусь. Понимаешь, насколько огромная страна. Когда ШАМИЛЯ — не Басаева, а того самого, которого наконец поймали царские войска — повезли в Москву, он ехал неделю, другую и сказал: если бы я знал, что Россия такая большая, то никогда бы не стал с ней воевать. Он даже не был в курсе. А если бы его в Сибирь повезли? И все, кого везут сюда, они раздумывают сразу...

Это как САРКОЗИ прочитал биографию ЛИМОНОВА и к французам обратился по национальному телевидению, сказал: читайте это и помните, что Россия в 48 раз больше Франции! Да там ещё такие живут черти, как этот Лимонов.

Более полная версия ответов — на сайте газеты.

ТАРКОВСКИЙ: «За твою спиной рана, кто-то должен её промыть...»

Тарковский говорил значительно скучнее. И слова его были простые, как соль земли. Именно поэтому даже то немногое, что сказано, не хочется потерять. В том числе цикл стихов из третьей части «Тойоты Кресты», с чтения которых автор и начал встречу. Многие из этих строк так и просятся в заголовок или в эпиграф. Например, такой:

...Знаешь, что страшнее петли?
— Одиночество человека?
Одиночество русской земли.

>> На фоне этой эйфории после Крыма, когда люди звонят из Питера, из Москвы, такие весёлые... А у меня ощущение: если всё эйфорией останется, будет ещё хуже. Я не разбираюсь во всех этих финансовых делах, взаимопроникновении, которое между разными странами существует. Но по мне, так если бы Европа с Америкой сейчас обрубили все эти связи, то может наша страна как раз собой занялась, и своими внутренними соками она бы и выжила.

>> Мир тайги, села таёжного... Когда я попал туда, Бахта стала столицей мира и земли. В таких посёлках тебя не интересует ничего, кроме огромного мира твоего промыслового дела, твоих товарищей, природы, которой ты питаешься. Она от тебя ничего не требует — только быть хорошим учеником. Этот мир сделал из меня автора книг.

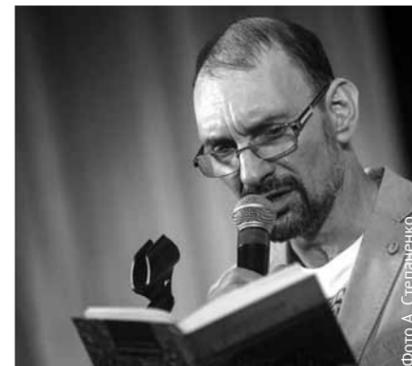

Фото А. Степаненко

Но когда я стал много ездить по Сибири, на Дальний Восток попал, всё это пространство стало для меня таким же важным, как тот таёжный мир. Я понимал, что необходимо растянуть свою душу, что это самое главное для меня. Для меня сейчас это огромное пространство важнее.

>> Старообрядцы сумели свой уклад через века пронести. Я сам разное отношение к ним испытывал. Сначала восхищение, как будто попал в Древнюю Русь: мужики с бородами в рубахах, женщины с прекрасными лицами, лучистыми глазами, в сарафанах и платочках. Белоголовые ребятишки бегают. Потом всё не так радужно оказалось. Потому что енисейский человек — он здесь живёт и надеется, что всегда будет жить. У старообрядцев — другая ситуация. Они всё время в состоянии атаки. Им главное — сохранить уклад. На них цивилизация наступает, а они уходят всё глубже и глубже. И понимают, что даже здесь, в тайге, — они не навсегда.

А потом у меня ещё период проишёлся. Я подумал, что это единственное сословие, которое осталось верно себе. И надо ещё перед ними упасть, постучаться своими деревянными лбами и сказать им огромное спасибо.

СФ

Неклассические классические чтения

В нашей семье принято читать. И потом обсуждать книги. Так было с самого детства. В некоторых книгах рассказано, что так принято не только в нашей семье. Хотя примеры все — века так из 19-го. А зря. Сейчас возродить культуру чтения было бы в самый раз.

Попытки такие есть, за то спасибо детским издательствам, выпускающим красивые, красочные книги, которые приятно держать в руках и читать как детям, так и взрослым. Сначала любовь и интерес к чтению, привитая родителями, далее — работа с книгой в школе, что значительно облегчает вашему ребёнку изучение предметов и даёт фору по сравнению с нечитающими одноклассниками. В вузе всё это станет фундаментом самостоятельного изучения научной литературы — и любви к литературе художественной.

Когда мы с братом и сестрой были маленькими, родители учили нас мыслить образами при прочтении книг. Можно сказать, помогли создать новую реальность, которая существовала параллельно и формировала творческое восприятие. Наше воображение работало по полной программе. И сейчас, когда передо мной разворачивается сюжет книги, я представляю целые картины. У этого только один побочный эффект — сложно смотреть экранизации, мы с режиссёрами редко одинаково представляем героев.

На журфаке нас учили составлять читательский дневник, куда мы выписывали цитаты, имена героев, даты, события. Очень удобно потом сдавать экзамен — перелистал тетрадку и вспомнил всё. Учили отыскивать основное в прочитанном, осмысливать его, сопоставлять факты, мысли, выводы, формулировать и обосновывать своё мнение по книге и автору, иметь критическое отношение к прочитанному. Мы старались не только увлекаться книгами, но и понимать их, интерпретировать.

Сейчас темп жизни ещё ускорился, и на то, чтобы сидеть читать книжку с карандашиком, подчеркивая важные мысли или тем более выписывая их, — почти ни у кого нет времени. А жаль. Аудиокниги, с одной стороны, помогают сохранять общий уровень образованности, но достаточно быстро выветриваются из головы. И нет возможности перелистнуть страничку и перечитать любимую цитату.

Жизнь без чтения — всегда жизнь посредственная. Чтение — это в первую очередь самообразование. Но во вторую — чудесное времяпрепровождение и единение с собой. Ведь ни для кого не секрет, что, читая книгу, каждый человек воспринимает её по-разному и способен найти то, что ищет в данный момент.

Современные психологи считают, что молодое поколение не умеет правильно читать — стремится поскорее ухватить сюжет, не вдумываясь в мастерство художника, не анализируя, не сравнивая свои выводы с мыслями литературоведов или критиков. Мне очень повезло учиться у таких выдающихся преподавателей, как Галина ШЛЁНСКАЯ, Наталья РЕДЬКО, Дмитрий СУББОТКИН, Владимир ВАСИЛЬЕВ и другие.

Недавно мне вновь удалось столкнуться с интересной практикой. В Москве есть группа последователей Никиты АЛЕКСЕЕВА, философа-методолога, участника Центра разработки системомыследеятельностной

методологии и организационно-деятельностных игр. Вместе с заместителем руководителя Департамента образования города Москвы Игорем ПАВЛОВЫМ они проводят разные семинары в открытом пространстве, — например, в усадьбе Алексея (Костромская область, деревня Турилово). Один из вариантов выездов — «Неклассические чтения». На чтениях в этом году предложили поговорить об онтике — непроявленном или проявленном воздействии на нас Бытия. А проще — поделиться опытом прочтения книги или встречи с человеком, которые кардинально повлияли на вашу жизнь, имели определяющее значение в судьбе.

Было очень здорово оказаться после шумного города в тихой деревне, где за десятки километров нет ни души, не ловит сотовая связь. Где чтобы приготовить еду — нужно принести воду из колодца, а чтобы лечь спать в деревянном доме — затопить печь. И в таких условиях, сидя за общим столом, после совместной трапезы, разговаривать о литературе и соотносить её с философией.

Началось всё с чтения вслух текстов Никиты Глебовича Алексея — организаторы «Неклассических чтений» создали удачную подборку цитат из его разных работ. Мне больше других запомнилась выдержка из работы «Методология и политика»: «Очень интересен для меня аспект самоопределения: а что я хочу? В каком-то смысле этот вопрос свёлся

к другому: а что я могу дать? А ответ простой: я могу дать лишь то, что имею, и ничего иного, кроме того, чему меня научили и чему я научился сам». Заинтересовала меня эта мысль не только близостью к моим размышлениям, но и тем, что разговор чтецкий был, по большому счёту, как раз о ценностях.

За эту поездку мой список для чтения пополнился сборником рассказов «Отец Арсений», «Кассиана» и «Обратная сторона Луны» ЛЕВИ-СТРОССА. Остальные произведения или не зацепили, или уже были известны. Неудивительно, что многие рассказывали о православных книгах. Во-первых, подобралась такая компания, а во-вторых, они ближе всего к разговору о жизни и смерти, который прослеживался с самого начала «Неклассических чтений».

В перерывах мы говорили о том, что книга не может быть одинокой, она объединяет вокруг себя людей. Понравившейся книгой хочется поделиться, ведь она никогда не оставляет человека таким, каким он был прежде. Вживаясь в произведение, читатель вбирает многообразный опыт жизни, отражённый автором, а затем передаёт его другим. Так и книги, о которых рассказывали наши докладчики, становились общим достоянием: на них занимали очередь, чтобы прочесть или хотя бы успеть полистать.

А когда был последний день чтений, я назвала их как раз «классическими» — ведь именно такой формат обсуждения книг был традиционным многие века. Когда взрослые — наставники учили детей-слушателей читать, пропускать через себя, анализировать, выбирать литературу как пищу для ума, «выжимать» самую сущность и читать системно. Культура чтения — это познание мира и обогащение души. Это и есть способ бытия человека, самоконструирование интеллектуального и духовного развития личности. Здорово, что у нас есть такая потребность!

Анастасия АНДРОНОВА

Культурный поморгает

Культура на дорогах — проблема, которую давно и активно обсуждают. О том, что в России две беды, знают далеко за её пределами. Что пробок и аварий на наших дорогах меньше никак не становится — понимают и те, у кого автомобилей нет. В Москве вводят платные парковки, придумывают социальную рекламу с баранами, в Интернете сочиняют пасквили и рисуют демотиваторы. Не помогает.

«Меня всегда удивляло, почему некоторым автомобилистам так сложно пропустить пешехода, — пишет в блоге журнала «Сфера влияния» Александр АВГУСТ, руководитель «Шанс-Авто». — Ведь ты, водитель, сидишь в тёплой машине, на мягком сиденье, слушаешь музыку — тебе комфортно. А пешеход идёт ногами по нашим грязным, скользким дорогам. Идёт в дождь, снег и холод, обдуваемый со всех сторон ветром. Идёт с сумками, а когда и с коляской или своим карапузом за руку. Водитель, почему в этот момент ты забываешь, что у тебя тоже есть мама, папа, жена, сестра и другие близкие тебе пешеходы? Особенно противно становится,

когда наблюдаешь, как на повороте во двор стоит мама с ребёнком или коляской или бабушка с сумками и ждёт, когда все проедут на своих дорогах и комфортных машинах».

Кажется, Александр — исключение, и обычно о таком поведении водителей задумываются только сами пешеходы. «Конечно, есть люди, которые ведут себя на дорогах вполне корректно, даже если торопятся, не станут парковаться в неподобающем месте. Другие проезжают по три круга по центру, в поисках свободного места. Часто приходится идти пешком от парковки и по 500 метров. В этом нет ничего страшного, просто нужно закладывать на это дополнительное время. Может быть, из-за врождённой лени наши люди считают, что нужно подъезжать к самому подъезду, и не могут подумать о том, что можно остановиться за квартал», — комментирует блогер Илья ЛАБУНСКИЙ.

Единственное, чему, пожалуй, научилась часть россиян — благодарить сигналом авариек тех, кто пропускает на дорогах. Хотя никто не будет спорить, что агрессии на дорогах по-прежнему много. Наверное, автомобилистам просто нужно задуматься, что не стоит трогать свои нервные

Тех, кто выбрасывает мусор из машины, надо нещадно штрафовать

клетки на некавалифицированных участников дорожного движения. Ведь залог безопасности заключается в сотрудничестве и взаимовыручке, а не в соперничестве водителей на дорогах, что чаще всего приводит к ДТП или пробкам. Да и в условиях города нет смысла гнать на полную катушку, раньше вы никуда не приедете — основной поток движется с одинаковой средней скоростью, и если, например, вы на этом светофоре «всех сделали», на следующем всё равно будете сто-

ять, а поток, который вы «сделали», поравняется с вами.

Начнём с себя, ведь только так что-то может измениться. Будем парковаться в разрешённых местах, не руководствуясь принципом «всё равно тут встанет кто-то». Пусть кто-то, но не я.

Интересно, а как предлагают повышать культуру вождения власти? Никогда не сталкивалась с подобной их программой...

Варвара СЕРЁДКИНА

Сибирский набег на культуру

Так уж сложилось — звание культурной столицы России закреплено за Санкт-Петербургом. Вот о ней и поговорим — тем более что недавно школьники Красноярского края вернулись из Питера со Всероссийской олимпиады по мировой художественной культуре. Во время этой поездки арт-события на уровне музейных экскурсий, выставок и театральных постановок чётко уложились в систему двух противоположных полюсов — искусства традиционного и современного. Причём никаких конфликтов между этими полюсами не наблюдалось: зрители способны одинаково радоваться и тому, и другому, просто у каждого свои предпочтения.

Самый русский Шекспир

Несколько слов о самой олимпиаде, задания которой раскрывают приоритеты современных учёных в области культурного развития. Задания обманули ожидания всех школьных учителей, которые в течение года тщательно исследовали с учениками разнообразные пути искусства в истории — все художественные стили и направления от античности до авангарда. Надеялись, что если уж их питомцы не узнают произведений, например рококо, то в других вопросах наверстают за счёт рассуждений о, допустим, живописи передвижников.

Но организаторы подошли к составлению заданий неожиданно. Ведь помимо того, что 2014-й — Год культуры в России, это ещё и год Англии, а где Англия, там и Уильям ШЕКСПИР, тем более, что, несмотря на загадочность биографии драматурга и поэта, этот год для него считается юбилейным — 450 лет со дня рождения. И оба тура олимпиады были посвящены творчеству Шекспира: ученики смотрели современные фильмы на основе шекспировских сюжетов, пытались понять, почему его произведения актуальны и сегодня; сходили на спектакль «Двенадцатая ночь» — а потом креативили, создавая рекламный буклет к постановке. Как пояснила председатель жюри Всероссийской олимпиады Елена Николаевна ЧЕРНОЗЁМОВА, подобное внимание к творчеству Шекспира связано с актуальным вопросом современности: именно этот драматург заострил внимание на проблеме выбора жизненной позиции — сопротивление или смирение перед злом окружающего мира.

Итак, лучших из лучших школьников России в области искусства методисты сегодня ориентируют (если судить по заданиям) на следующие приоритеты. Во-первых, глубокое аналитическое погружение в серьёзные философские вопросы, которые раскрываются в произведениях искусства — вместо энциклопедического заучивания фактов, имен, характеристик художественных стилей. Во-вторых, судя по значительному количеству вопросов, связанных с кинематографом (в прошлом году олимпиадное задание и вовсе было посвящено интерпретации последних

минут фильма Андрея ТАРКОВСКОГО «Солярис»), культурный человек должен уметь грамотно рассуждать о киноискусстве: монтаже, композиции кадров, сюжетной и визуальной насыщенности кинообразов и т.п. В-третьих, дети и сами должны уметь производить качественный творческий продукт, а не только говорить о культурных явлениях.

Эрмитаж vs. Эрарта

Во время поездки для школьников были организованы экскурсии в Эрмитаж и Русский музей, а также дети принимали участие в экспериментальной разработке заданий в интерактивной форме на базе музея современного искусства «Эрарта» (возможно, это используют для будущих олимпиад).

Нет никакого смысла говорить о том, как прекрасно посетить Русский музей и Эрмитаж! Оказавшись там в первый раз, любопытно и просто рассматривать декоративные и художественные ценности, сопоставлять нынешний образ жизни с размахом жизни русских императоров. В последующие разы зритель уже идёт к полюбавшимся произведениям, как к своим друзьям. Мой выбор пал на РЕМБРАНТА «Возвращение блудного сына». Кто-то расплакался, глядя на «Мадонну Литта» Леонардо ДА ВИНЧИ. А другие отправились отметить у импрессионистов, как водится.

Неприятным открытием этого года стала... роль экскурсовода в знакомстве с произведениями искусства. Конечно, долго работающие экскурсоводы знают абсолютно всё о внутренности великих музеев — от каждой ступени парадных лестниц до переписки меценатов и художников. И обо всех этих подробностях они стремятся сообщить зрителям, пришедшим на два часа, чтобы пообщаться с лучшими произведениями русского и зарубежного искусства. И вот экскурсовод стоит в центре зала, глаза зрителей устремлены к нему, а картины, которые и сами не прочь поговорить с нами, одиноко висят на стенах. Это наблюдение привело меня к неутешительному заключению: из всего визита в музей, пожалуй, удастся вынести информацию о том, что Берта Моризо была вероятно популярна среди мужчин.

Противоположная ситуация наблюдалась в музее современного искусства «Эрарта». Может быть, в коллекции, расположенной в огромном количестве залов на пяти этажах, редко встречаются шедевры, зато экскурсионная программа полностью направлена на рассматривание картин.

Негосударственный музей современного искусства «Эрарта» был открыт всего в 2010 году. За это время в Красноярске успели даже представить выставку на основе коллекции этого музея — «Современная российская живопись». Но оказавшись в самом музее, сталкиваешься с ситуацией наполненности залов либо чересчур простыми работами (вот река в импрессионистской манере, вот керамика, как в художественной школе), либо совсем уж китчем. Отыскать действительно интересные работы достаточно сложно.

Зато исчезает дидактическая составляющая: здесь одинокий экскурсовод стоит в сторонке, а зрители там, где и положено — у стен с картинами и вокруг инсталляций. Экскурсовод включается только для того, чтобы собрать зрительские впечатления, рассказать о том, что поможет понять произведение.

Единственная странность, которую пришлось услышать в речах модераторов коммуникации, — суждение о том, чем современное искусство отличается от традиционного. Старые мастера творили по правилам и не стремились к инновациям, в то время как новые сплошь и рядом нарушают традиции и художественные законы.

Для человека, знакомого с историей искусства, это звучит дико, так как практически каждый шедевр, вошедший в историю, в своё время категорически не принимался современниками, выламывался из традиций.

В конечном счёте от разнообразных встреч с искусством сложилось

↑ Юрий Бутусов. «Три сестры». Театр Ленсовета

↑ Работа художника-декоратора Александра Шишкина

↑ Дмитрий Каварга. Модель биполярной активности. Science art

← Рембрандт. Возвращение блудного сына.

рную мекку

такое впечатление, что традиционные музеи придерживаются дидактического стиля в рассказе о произведениях, а музеи современного искусства привносят в российскую культуру полилоговый подход, поскольку здесь в разговоре участвуют как минимум трое: произведение, зритель, экскурсовод-помощник.

Однако из бесед со школьниками я выяснила, что им самим больше нравится всё-таки подход дидактический — когда что-то вещают. А у меня при этом возникает два пессимистичных вопроса. Первый: не есть ли это наша лень по формулированию собственного мнения насчёт определённых вещей и явлений? И второй: как сочетается такая дидактическая модель с жизнью? Ведь когда мы заканчиваем свои образовательные программы, жизнь всё равно требует от нас самостоятельности — в суждениях, выводах, оценках.

А где тогда этот навык формируется?

Три сестры под чёрным флагом

Погружение в театральную жизнь стало неожиданным бонусом поездки, и я впервые обратила внимание на то, что в Санкт-Петербурге театры находятся на каждом шагу. Здесь и крупнейшие театры страны, вроде Мариинского, и небольшие камерные театры, созданные по инициативе нескольких людей. Например, «Двенадцатую ночь» школьники смотрели в малоизвестном Интерьерном театре, у которого оказалась впечатляющая история: его основатель продал собственную квартиру, чтобы основать театр.

Театральное искусство уже традиционно расслаивается на два полярных подхода, несмотря на то, что зачастую пьесы для постановки используются одни и те же. Многие хотели бы видеть в театре классический подход: текст должен совпадать с оригиналом (пьесами А. ЧЕХОВА, А. ОСТРОВСКОГО) или быть близким к переложённым для театра прозаическим произведениям. На сцене желательнее реконструировать эпоху и историческую ситуацию (в костюмах, декорациях и т.п.). А актёрская игра должна быть насыщена театральной патетикой — с сильными чувствами, эмоциями, чтобы мы плакали, смеялись, переживали вместе с персонажами. Чтобы в конечном счёте интерпретация не слишком отличалась от того варианта, к которому мы привыкли со школьной скамьи. Конечно, в Санкт-Петербурге любители классических постановок нашли спектакли на свой вкус.

Однако театральный модерн встречается не менее редко. На него можно попасть совершенно случайно, обманувшись привычным названием — «Три сестры» А. Чехова, «Преступление и наказание» Ф. ДОСТОЕВСКОГО (про оригинальную интерпретацию «Преступления и наказания» на сцене мне удалось узнать только в пересказе: в театре Ленсовета убийство Раскольникова было сопоставлено с терактом Брейвика в Осло).

Я же отправилась на «Три сестры». Режиссёр постановки — Юрий БУТУСОВ, спектакли которого мне нравились и до этого. В частности, знаковая абсурдистская пьеса «В ожидании Годо» позволила мне по-новому взглянуть на актёров (Кон-

стантин ХАБЕНСКИЙ, Михаил ПОРЕЧЕНКОВ, Андрей ЗИБРОВ, Олег ФЁДОРОВ). А декорации оказались Александра ШИШКИНА, который был номинирован на премию Кандинского, а его изобретательные движущиеся графические рисунки привлекли внимание на выставке «Актуальный рисунок» Русского музея в Мраморном дворце. В результате я оказалась

на современной театральной постановке, предлагающей авторскую интерпретацию классического текста. Впечатлил хронометраж — спектакль длится почти пять часов, что заставило меня припомнить факт 12-часовой постановки «Берега утопии» по Т. СТОППАРДУ в РАМТе.

Может быть, мы приближаемся к античному пониманию драмы, кото-

рую смотрели целыми днями, специально отвлекаясь от повседневного течения жизни?

Чеховский текст о жизни человека во имя счастья будущих поколений и здесь сохранён практически без изменений (разве что некоторые фразы повторяются по несколько раз), но проникновенные монологи о счастье, любви произносятся на фоне абсурдных действий: например, на героя с двух сторон сыплются рулоны ковров. В результате персонажам для того, чтобы поговорить о вечном, приходится с чем-то параллельно бороться. Это похоже на современный мир, в котором разговор о прописных истинах воспринимается как бабушкины нотации.

Во второй части спектакля чеховские «Три сестры» и вовсе превращаются в какое-то пепелище, постапокалиптическую картину: сестры в чёрном, с чёрным флагом в руках на помосте по второму кругу повторяют свои рассуждения о том, как проходит жизнь. Очередное напоминание что мы живём на переломе эпох: стorerели дотла бывшие ценности, и только если повезет, то какая-то новая аксиология и чувственность прорастёт взамен.

↑ Интерьерный театр. «Двенадцатая ночь», В. Шекспир.

↑ «Родина». Николай Копейкин. Из коллекции музея Эрарта.

↑ Музей Эрарта.

О прорастающих культурных ценностях, о современной российской культуре было предложено порассуждать и школьникам. Возможно, они не подкованы знаниями исторических и современных событий, но способны уловить суть. Вот одно из суждений.

Настя БАСАЛАЕВА,
9 класс, г. Минусинск:

— Состояние культуры в настоящее время, на мой взгляд, плачевное. Конечно, меня радует, что многие люди стараются сохранить памятники архитектуры, картины, и государство, вроде бы, этим озабочено. Но, к сожалению, понятие культуры знакомо не слишком многим людям. Чтобы понять это, достаточно взглянуть на современную моду. Отсутствие культуры и воспитания, духовных ценностей настолько очевидно, что заставляет меня задумываться: не потеряно ли нынешнее поколение подростков? Однако, побывав на всероссийской олимпиаде по культуре и встретив много замечательных людей из других городов, в чьих сердцах и душах живёт чувство прекрасного и тяга к нему, я буду верить в культурное будущее нашей страны.

Каких событий для этого нам не хватает? Культурных мероприятий, в которых мог бы принять участие любой желающий. Пусть бы это были праздники, посвящённые какому-либо периоду богатой русской истории, или дни погружений в различные эпохи. Это нужно для русского человека, чтобы он помнил о своём прошлом, об истории развития культуры и о необходимости преобразования своей страны.

Александра СИТНИКОВА

Присвоить звание Героя...

80 лет назад Правительством СССР была установлена высшая степень отличия — звание Героя Советского Союза.

16 апреля 1934 года ЦИК Союза ССР постановил:

1. Установить высшую степень отличия — присвоение за личные или коллективные заслуги перед государством, связанные с совершением героического подвига, звания Героя Советского Союза.

2. Звание Героя Советского Союза присваивается исключительно постановлением ЦИК Союза ССР.

3. Героям Советского Союза выдается особая грамота... (позднее была учреждена медаль «Золотая Звезда», вручаемая вместе с орденом Ленина).

Среди тысяч героев, удостоенных этого почетного звания с 1934 года по 1991 год, — 240 сибиряков-красноярцев, наших земляков. Первым из них является пилот Енисейской авиагруппы полярной авиации Василий Сергеевич МОЛОКОВ, которому звание Героя (за спасение экипажа и экспедиции парохода «Челюскин») было присвоено первым же постановлением ЦИК СССР от 16 апреля 1934 г.

К слову, после 1991 года (когда распался СССР) высшая степень отличия государства — звание Героя России. На данный момент этого звания (посмертно) удостоены 5 красноярцев.

Впервые сборник материалов «Достоин звания Героя» о красноярцах, имеющих это звание, был выпущен Красноярским книжным издательством в 1975 году, к 30-летию Победы. В него вошли краткие очерки о 176 Героях Советского Союза. Второй сборник — «Наши отважные земляки» — уже о 189 героях вышел в 1990 г. За время, прошедшее после выхода второго сборника (24 года!), историки и краеведы выявили ещё 51 Героя Советского Союза, чья жизнь была связана с Красноярским краем. Критерии для составления нового списка были определены следующие:

- родились в Красноярском крае,
- призваны на военную службу военными комиссариатами края,
- жили и работали в крае длительное время.

В 2011 году в Октябрьском районе Красноярска был открыт Мемориал памяти красноярцев — Героев Советского Союза, на котором увековечены фамилии 207 человек. Информация о многих из них, к сожалению, малоизвестна жителям региона.

Инициативная группа в составе руководителя поискового движения в Красноярском крае Серафимы Сергеевны АКСЕЛЬБРОД, директора музея «Мемориал Победы» Татьяны Владимировны ИВЛЕВОЙ и автора статьи считает целесообразным к 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне подготовить и издать новый сборник материалов о красноярцах — героях (в том числе и Героях России), включив в него новые сведения, максимально полные биографии и фотографии, многие из которых ранее не публиковались.

Работа по сбору материалов ведётся уже несколько лет. Архивное управление Генерального штаба Вооружённых Сил РФ предоставило нам допуск к личным делам Героев Советского Союза, находящихся на хранении в Центральном Архиве Министерства обороны РФ, благодаря чему мы смогли уточнить биографии героев и получить ранее не известные фотографии и сведения.

Считаем, что данный проект принесёт огромную пользу жителям региона, всем, кто небезучастен к истории родного края. Если всё получится, и в администрации края найдутся необходимые на издание средства, новый сборник (рабочее название «Присвоить звание Героя...») послужит патриотическому воспитанию молодого поколения — при условии обязательного распространения его по библиотекам всех уровней, музеям и архивам.

А для читателей — пока всего лишь две биографии.

Герой Советского Союза полковник Александр Константинович НАЗАРЕНКО

Родился 14 апреля 1921 г. в г. Новороссийске в семье рабочего. До призыва в Красную Армию окончил 10 классов средней школы. В Красной Армии с 1941 г. В 1942 г. окончил Камышинское танковое училище.

На фронтах Великой Отечественной войны с февраля 1943 г.

Принимал участие в сражении на Курской дуге, где проявил храбрость, выполняя приказ о спасении раненого командира батальона, попавшего в окружение. В ходе боя был ранен, но самостоятельно оказал себе медицинскую помощь и остался в строю. Только в одном из боёв его танковый взвод уничтожил до батальона пехоты, два танка, два бронетранспортёра и несколько автомашин противника. Дважды ранен в 1945 г.

Кавалер трёх боевых орденов, командир танковой роты гвардии старший лейтенант Назаренко отличился 22 апреля 1945 г. в боях за Берлин. Действуя в районе Трептов, принял командование штурмовой группой, захватил внезапным ударом переправу через канал, овладел 12-ю кварталами города, уничтожил три танка и восемь орудий противника, тем

бронетанковых войск в 1958 г.

С 1967 по 1976 г. — начальник тактической подготовки военной кафедры Красноярского политехнического института. С 1976 г. в запасе. Жил в Краснодаре, почётный гражданин этого города. Умер в 2010 г.

Герой Советского Союза полковник Дмитрий Васильевич ТЮРКИН

Родился 3 ноября 1920 г. в селе Мордовская Поляна Мордовской АССР в семье лесника.

После окончания семилетки поступил в Zubovo-Полянское педагогическое училище. До призыва в Красную Армию успел окончить два курса. Призван в РККА в 1938 г. и направлен во Второе Саратовское танковое училище, которое окончил в 1940 г. с присвоением воинского звания «воентехник 2 ранга».

На фронтах Великой Отечественной войны с июля 1941 г. Участник парада войск на Красной площади 7 ноября 1941 г. откуда ушёл на защиту Москвы.

Бил фашистов на Курской дуге, освобождал Харьков, Полтаву, Кременчуг. Был ранен шесть раз.

В ночь на 2 октября 1943 г. 586 танковый батальон под командованием старшего лейтенанта Дмитрия Васильевича Тюркина, насчитывавший 30 танков Т-34, в числе первых танковых частей форсировал Днепр в районе села Мишурин Рог (Верхнеднепровский район Днепропетровской области). В этом районе противник, используя численное превосходство и благоприятные условия, пытался сбросить в Днепр наши пехотные части, закрепившиеся на правом берегу.

В ходе первых боёв по удержанию плацдарма батальон понес серьёзные потери — осталось только 16 танков и две 76-миллиметровые пушки. Сгорел и командирский танк. Пришлось отойти в село Калужино. Атаки противника следовали одна за другой. Последняя атака перед заходом солнца была самой тяжёлой. Фашисты бросили на 16 обороняющихся советских танков

самым обеспечил вступление в Берлин всех частей танкового корпуса.

В сложных условиях уличных боёв в Берлине умело руководил приданной пехотой и артиллерией, за полтора часа выбил врага из 8 кварталов города. Лично неоднократно поднимал в атаку пехоту и в такой момент был тяжело ранен, но из боя не вышел. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1945 г. за проявленные доблесть и героизм в наступлении, на подступах и в боях за город Берлин, за умелое руководство боевыми действиями роты в сложных условиях уличных боёв, за смелое и дерзкое продвижение вперёд, обеспечившее неоднократный успех наших частей, гвардии старшему лейтенанту А.К. Назаренко присвоено звание Героя Советского Союза.

После войны продолжил службу в Вооружённых Силах, окончил Военную академию

бронетанковых войск в 1958 г. С 1967 по 1976 г. — начальник тактической подготовки военной кафедры Красноярского политехнического института. С 1976 г. в запасе. Жил в Краснодаре, почётный гражданин этого города. Умер в 2010 г.

50 танков и 200 солдат с трёх направлений. Только за три дня боев батальон старшего лейтенанта Тюркина отбил 19 атак фашистских танков, каждый раз нанося врагу большие потери. В течение 18 суток батальон удерживал плацдарм, подбил и уничтожил 80 немецких танков, до 20 пушек разного калибра, 5 миномётных батарей, 45 пулемётных точек, 800 солдат и офицеров противника.

С честью выполнив поставленную задачу по удержанию плацдарма на правом берегу Днепра Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 декабря 1943 г. командиру батальона старшему лейтенанту Д.В. Тюркину и 11 отважным захватчиков.

За создание и удержание плацдарма на правом берегу Днепра Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 декабря 1943 г. командиру батальона старшему лейтенанту Д.В. Тюркину и 11 отважным

танкистам его батальона было присвоено звание Героев Советского Союза.

В 1947 г. Д.В.Тюркин окончил Академию бронетанковых и механизированных войск Красной Армии. После окончания войны продолжил службу в Вооружённых Силах, командовал полком, дивизией.

С ноября 1957 г. по июнь 1961 г. — начальник военной кафедры Сибирского лесотехнического института Красноярска, с июня 1961 г. по 1964 г. — начальник военной кафедры Красноярского политехнического института. С 1964 г. в запасе.

Жил в Полтаве. Умер 14 мая 1984 г.

Вячеслав ФИЛИППОВ